

АННА КОЗЫРЕВА

Воспоминание о настоящем

Анна Козырева

Воспоминание о настоящем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27613409

ISBN 9785448589621

Аннотация

«Меня похитили... Мне страшно»... Главная героиня истории – девушка по имени Ирэн, которая после произошедшей много лет назад трагедии начинает видеть будущее. На дворе 2020 год, Ирэн живет обычной, почти затворнической жизнью. Но в один миг всё меняется, и её мир уже никогда не будет прежним.

Содержание

Глава I: Да будет свет	6
День первый	6
Глава II: Предложение, от которого невозможно отказаться	37
Глава III: Бежать нельзя сдаваться (после какого слова должна стоять запятая, я ещё не решила)	66
Глава IV: В любой непонятной ситуации – ложись спать	100
День второй	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Воспоминание о настоящем

Анна Козырева

Любимому мужчине посвящаю...

Благодарю, что позволил быть собой.

© Анна Козырева, 2020

ISBN 978-5-4485-8962-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Никогда не считала себя особенной. И сейчас не считаю...

Меня зовут Ирэн. Довольно необычное имя. Мне двадцать пять лет, люблю кошек и ненавижу фальшь. Пожалуй, исчерпывающая информация. Только сомневаюсь, что в сложившейся ситуации эти сведения приобретают какое-либо значение. Важным остается лишь то, что сейчас я нахожусь в автомобиле с незнакомыми людьми. На мою голову надет холщовый мешок – я здесь отнюдь не по собственной воле... Занятное начало дня...

Часом ранее ничто не предвещало такого поворота. Обычное утро началось с вполне обычного кофе. Отсутствие выпечки вынудило меня, затянув волосы в небрежный пучок, накинуть первое, что попало под руку, и отправиться в пекарню по соседству с домом. Возле подъезда ко мне подошли

двое крупных мужчин. Ни слова не сказав, схватили меня за руки и буквально волоком потащили к машине. Я и пискнуть не успела, как оказалась в салоне. Понимаю, что меня похитили, куда-то везут. Но даже не догадываюсь о причинах похищения, ничего не знаю об этих людях. В суматохе не удалось рассмотреть их лиц, запомнить черты или особые приметы. Впрочем, личности похитителей занимают меня гораздо меньше. Мучает вопрос, куда мы направляемся и что со мной будет...

Хотя... и это теперь не имеет особого значения, поскольку через шестьдесят секунд автомобиль остановится на перекрестке. Спустя еще несколько секунд мы почувствуем мощный удар слева, сопровождаемый характерным скрежетом металла, затем салон окутает дым с едким запахом гари. Это вынудит мужчин схватить меня и выскочить из автомобиля. Еще через три секунды раздастся три хлопка, и двое похитителей, а также водитель машины рухнут наземь. У меня потемнеет в глазах, а затем я и вовсе провалюсь в темноту....

Глава I: Да будет свет

День первый

Резкая боль пронзает виски. Тишина. Темно. Тепло. Тревожно. Ощущаю слабость, разбитость. Лежу с закрытыми глазами. Никаких посторонних звуков, и это заставляет ощущать стук будто рвущегося из груди сердца и прислушиваться к собственному дыханию. Удручающее ощущение... Страшно. Пытаюсь пошевелить пальцами рук. Удастся. Отлично. Затем шевелю пальцами ног. Порядок. Лежу на спине, ноги вытянуты, руки вдоль туловища. Комфортно. Где я? Чтобы это понять, нужно, как минимум, открыть глаза. Судя по отсутствию движения, очевидно, я не в автомобиле. Тогда где же я?.. Может, похищение всего лишь приснилось и сейчас я лежу на кровати в своей комнате?..

Вера в то, что кошмар закончится, стоит открыть глаза, слабеет с каждым новым вздохом. Едва уловимый специфический запах, не свойственный моему дому, лишает надежды на светлое избавление от кошмарного сна. Страх будто обволакивает меня всю, пробирается внутрь, парализует тело и мысли. Я скована тревогой, она не дает двигаться. Пытаюсь все же управлять эмоциями. Чтобы сосредоточиться, начинаю считать до тридцати. Не получается – сбиваюсь

на первом десятке. Никогда не думала, что знакомые с детства цифры бывает так трудно произнести... Детство... В голове быстро и сумбурно мелькают черно-белые воспоминания: первое падение с велосипеда, руки мамы, гроза...

И вновь тишина и отсутствие света. Если продолжу неподвижно лежать с закрытыми глазами, то, наверное, сойду с ума от паники. Нет, это мне не подходит! Осторожно поднимаю левую руку, трогаю голову. Как и ожидалось, голова на месте. Делаю глубокий вдох и медленный выдох. Ничего не происходит, присутствия людей рядом не ощущаю. Трогаю лицо: левое ухо, нос... Дотрагиваюсь до рта – губы подрагивают... Это нормально, это просто страх. Спускаюсь ниже, касаюсь шеи, провожу рукой по груди и животу, медленно спускаюсь по бедру. Одежда на мне. Поочередно загибаю каждый палец правой руки. Большой, указательный, средний, безымянный, мизинец... Пересчитываю пальцы на правой руке. Все хорошо, все хорошо.

Стараясь сохранить остатки оптимизма и настроиться на позитивный лад, пытаюсь анализировать происходящее. Так, запаха гари нет. И это уже можно считать отличной новостью. Но настораживает, что не удастся вспомнить окутавший меня запах. Полагаю, похитители особо не церемонились с бессознательным телом; возможно, я ударилась головой, из-за этого память стала давать сбои.

Несомненно, ожидание смерти хуже самой смерти... Итак, выход один. Нужно только набраться смелости. Нико-

гда не думала, что могу оказаться такой трусихой. Продолжаю убеждать себя: надо открыть глаза. Привожу неоспоримые аргументы. Вдох, выдох...

Однако осуществить намерение не так просто, как казалось. Попытка распахнуть глаза заканчивается сокрушительным провалом. Яркий дневной свет мощно бьет в лицо – инстинктивно крепко смыкаю веки. Утерев ладонью слёзы, продолжаю отчаянную борьбу с собой и ярким светом. И наконец одерживаю победу.

Не знаю, что я ожидала увидеть, но явно не это... Я крайне удивлена. Судя по всему, я одна в помещении. Приподнимаюсь на локтях, окидываю комнату взглядом. Здесь нет углов. Стены, предметы мебели, простынь, окно, шторы – абсолютно всё в этом помещении белого цвета и круглой формы.

Лежу на огромной, занимающей полкомнаты белой круглой кровати. Рядом круглый прикроватный столик, на белой стене несколько круглых зеркал и белая выпуклая картина в белой круглой раме. Немыслимо! Как, в принципе, можно было до этого додуматься? Помещение вызывает ассоциации с больничной палатой. Так страшно мне ещё никогда в жизни не было. Люди, живущие здесь, точно страдают психическими расстройствами...

Вся комната пронизана солнечным светом и запахом, который я до сих пор не могу вспомнить. Это мучает меня. И эта странная тишина... За окном не поют птицы, не лают собаки, не шумят машины. Этот свет, цвет, звукоизоляция

ция, запах, вся комната в целом внушает опасность, вызывает паническую тревогу. Похитители хотят меня дезориентировать? Необходимо сосредоточиться, нужно быть сильной! Неизвестно, что ещё уготовила мне судьба...

Закрываю глаза, опускаю голову, касаюсь ладонями лица. Дышу глубже. Начнём сначала. Итак, меня похитили – это неоспоримый факт. И он, безусловно, не может не беспокоить любого адекватного человека, к числу которых я всё ещё себя отношу. Что я знаю о похищении? Помню, как меня посадили в автомобиль, надели на голову мешок, увезли в неизвестном направлении. Затем запах гари, хлопки, потеря сознания и эта чудовищная комната. Открываю глаза. Размышляю о причинах похищения. Пытаюсь убедить себя в том, что ошибочно оказалась в этом месте, сохранить остатки самообладания, рассуждать логически, использовать изоляцию аффекта. Ладони покрываются липким потом.

Заставляю себя немного успокоиться. Бросаю взгляд на левую руку. Поскольку любимые часы и браслет не тронуты похитителями и всё так же обвивают запястье, то цель похищения отнюдь не ограбление. Это утешает, иначе у меня не было бы ни малейшего шанса. Провожу пальцем по панели часов, стрелка застыла на двенадцати... Теперь будет довольно проблематично сориентироваться во времени. Какой сегодня день? Сколько времени я была без сознания? Взгляд падает на правую руку. Вижу свежий шрам в виде трёх маленьких точек треугольником. Что это? Укус насеко-

мого? Не уверена...

Прикасаюсь к руке, ноющая, зудящая боль пронизывает всё тело. Что они со мной сделали? Неужели я нахожусь под действием каких-то препаратов? Прижимаю руку ко рту. Необходимо успокоиться. Вздрагиваю. Чувствую себя неплохо, ничего необычного не замечаю. Сжимаю правую руку в кулак, затем разжимаю. Дискомфорта не ощущаю, двигаться могу. Шрам на запястье – конечно, причина для беспокойства, но сейчас важнее всего моя адекватность и трезвая оценка происходящего.

Минимум два фактора придают оптимизм и веру в благополучный финал истории: отсутствие на голове мешка и несвязанные конечности. День явно обещает быть удачным. Почему меня держат в этой комнате? Несмотря на своеобразный интерьер, здесь светло и чисто. Мне казалось, что похищенных людей обычно помещают в тёмные, грязные, сырые подвалы, кишасшие крысами и живностью, которую и представить страшно. Значит, это не обычное похищение. Почему меня положили на белую кровать в уличных туфлях? Маньяк? Хватаю себя руками за плечи, поджимаю ноги, чувствую, как дрожь начинает пронизывать тело. Трясусь, словно в лихорадке, так что зуб на зуб не попадает. Нужно выбираться отсюда! Руки и ноги не связаны, движение ничто, кроме страха, не ограничивает.

Окидываю помещение взглядом. По необъяснимой причине не покидает ощущение дежавю... Но обо всех своих

ощущениях сейчас необходимо забыть, концентрироваться на побеге.

Интересно, выход отсюда есть? Внимание приковывает огромный круг на стене. Он разделён на две части. Судя по всему, это раздвижные двери. Выяснить, как они открываются. Решаю действовать. Осматриваюсь, нет ли видеокамер.

Аккуратно встаю с кровати, чтобы не шуметь, разуваюсь. На цыпочках подойдя к стене с кругом, прислушиваюсь. Если тишина может быть звенящей, то сейчас я её слышу. Сильно нажимаю на круг, толкаю его. Ничего не происходит. Прощупываю границы круга, пытаюсь пальцами зацепить край. Тщетно. Пробую отодвинуть круг в сторону. Не выходит. Провожу ладонями по всей окружности. Опять ничего. А что, собственно, должно произойти? Может, слова какие-то нужно сказать, чтобы выход из пещеры открылся? Негромко стучу по кругу, затем несколько раз осторожно ударяю кулаком по стене. Звуки кажутся идентичными. Царапаю круг ногтями, но никакого эффекта это не производит. От разочарования и страха невыносимо хочется плакать. Опираюсь спиной на стену, тихо сползаю вниз.

Сижу на полу, обхватив руками ноги. Что теперь будет? Надежда на окно. Отдвигаю полупрозрачную белую штору. Смотрю сквозь идеально чистое круглое стекло. Похоже, я нахожусь не ниже второго этажа. Внизу море, вокруг только море. Отступаю. Начинает кружиться голова. Бес-

крайнее и бесконечное море. Решёток нет. Иллюминатор? Я на корабле? Что происходит? Мотаю головой, словно пытаюсь отогнать кошмарный сон. Дела мои плохи...

Слышу разговор и тяжелые шаги за стеной. Чувствую острую боль. Только сейчас замечаю, что правая рука тесно сжимает левое запястье. Будто парализованное тело напрочь отказывается меня слушать. Шаги всё ближе и ближе, а я так и стою босиком возле окна. Буквально за долю секунды в голове проносится вихрь мыслей. Кажется, мой мозг никогда не обрабатывал информацию с такой скоростью. К сожалению, за предоставленное судьбой время разум выдаёт только два выдерживающих критику выхода из сложившейся ситуации. По правде сказать, есть и третий вариант развития событий (под кодовым названием «дерзкий»). Когда неизвестные войдут в комнату, застав их врасплох, применить приемы тхэквондо и джиу-джитсу. В то время как похитители будут корчиться в муках от боли и приходить в себя, я смогу убежать. Но данный вариант совсем не вариант – ввиду невладения мною техниками боевых искусств. Останусь жива, с понедельника начну ходить на тренировки.

Времени на раздумья нет – через пару секунд похитители окажутся в комнате. Смотрю на окно, затем на кровать. Я не успею открыть окно, не смогу прыгнуть в воду... Я не смогу... Чувство самосохранения, к счастью, берёт верх над экстремальными порывами души. В несколько мгновений преодолеваю расстояние до кровати. Ложусь. Закрываю

глаза. Похитители не заставляют себя долго ждать. Открывается дверь, и в комнате появляются несколько человек. По голосам и тяжелым шагам понимаю, что это мужчины. Естественно, ни малейшего представления о том, какую роль в похищении сыграли эти люди, я не имею. Становится холодно и жарко одновременно, по всему телу от страха начинают бегать предатели – мурашки. Ничто не должно выдать моего ужаса и волнения, необходимо максимально прояснить ситуацию. Похитители подходят ближе. Нет, не надо...

– Зачем её положили в белой комнате? – раздаётся низкий мужской голос. – Испугается...

В ответ тишина.

– Ирэн, вы живы? – после непродолжительного молчания спрашивает один из вошедших, склонившись надо мной.

Моё имя. Откуда им известно, как меня зовут? Кажется, я моргнула. Наверное, мне не удалось скрыть реакцию, они сейчас догадаются, что я в сознании и слышу их голоса. Огромного труда стоит не отозваться на собственное имя.

– Дышит! – резюмирует второй. Лишь безразличие отражается в этом слове, точнее, в голосе, это слово произнёсшем. Человек явно не обеспокоен моей судьбой.

Поздравляю, логического мышления вам не занимать. Может, ещё чем-нибудь сможете удивить? Сдерживая эмоции, пытаюсь дышать спокойно и размеренно.

– Долго не приходит в себя. Возможно, нужна помощь

врача, — немного помолчав, предполагает первый.

Определился победитель номинации «Мистер Сообразительность». Всем спасибо, все свободны. Один из похитителей касается моей руки. Только не это. Не трогай меня... Не прикасайся! Кажется, я вздрагиваю...

— Пульс нормальный, — не выпуская из рук моё запястье, констатирует он. — Подождём час, если не очнётся, пригласим специалиста.

Пока события развиваются просто идеально. Я смогла, они поверили. Когда всё это закончится, вернусь домой, приготовлю кофе и буду наслаждаться каждым моментом своей жизни. Никогда больше не стану роптать на судьбу из-за бытовых неурядиц... Никогда... Обещаю... Сейчас они уйдут, а у меня будет достаточно времени, чтобы осмотреться. Это значительно увеличивает шансы на побег. Притворство удаётся на славу.

Консенсус найден и похитители решают на какое-то время оставить меня в покое. Надеюсь, этого времени будет достаточно для побега. Нужно только с дверью разобраться. Вновь раздаются тяжёлые шаги, хлопок и звук отъезжающей в сторону двери. По моим ощущениям, похитители выходят из комнаты и удаляются всё дальше. Можно вздохнуть спокойно, однако что-то не даёт расслабиться. Лежу. Вновь не могу справиться со страхом, открыть глаза и побороть пессимистичные мысли, уверенно обосновавшиеся в голове. Тело охватывает дрожь, ощущение опасности, вопреки ожи-

даниям, не только не покидает, но и, наоборот, усиливается, прочно укореняясь в сознании. Вновь прокручиваю в голове вопросы... Но ответов не нахожу. Так нельзя... Теряю драгоценное время... Беру себя в руки. Наконец, поддавшись собственным уговорам, открываю глаза, сажусь. И незамедлительно расплачиваюсь за свою решительность...

У двери, скрестив на груди руки, стоит человек. Замираю. Не смогу с ним справиться, я и драться-то не умею... Смотрю по сторонам в надежде найти палку или какой-то предмет, способный помочь в неравной схватке. Мужчина внимательно наблюдает за моими суетливыми движениями. Забыв на несколько секунд о собственных страхах, не оставаясь в долгу, сосредоточенно смотрю ему в глаза.

– Добрый день, Ирэн, – опуская руки и расплываясь в улыбке, негромко начинает он. – Извините, если напугали.

Узнаю голос. Несколькими минутами ранее именно его я удостоила звания «Мистер Сообразительность»... И, по всей видимости, к сожалению, оказалась права. Дверь заперта. Я растеряна. Ещё не понимаю, что произошло и как мужчина попал в комнату с закрытой дверью. Примирительно улыбаясь, он делает несколько шагов ко мне. От неожиданности вздрагиваю. Мужчина останавливается, поднимает руки, демонстрируя открытые ладони. Ловлю себя на мысли, что безумно хочу закрыть глаза и притвориться спящей. Ещё раз окидываю его взглядом с ног до головы. Действительно, идеальным вариантом в данной ситуации было бы не притвор-

ство, а настоящий сон с последующим пробуждением в уютной, тёплой, мягкой кровати у себя дома, вдали от этой комнаты и чужого мужика. Где моя шапка-невидимка? Или неплохо было бы стать персонажем детской сказки, превратиться в маленькую зелёную муху и улететь далеко-далеко отсюда. Сжимаю руки в кулаки. Я будто готова к удару, готова к прыжку, готова к обороне. Будто...

Мечты, сны, фантазии... Сжимаю правую руку столь сильно, что начинаю ощущать боль от впивающихся в кожу ногтей. Реальность более убедительна. Полагаю, совсем скоро доведётся узнать о причинах похищения и своих дальнейших перспективах. Мужчина не сводит с меня глаз. Справедливости ради стоит отметить, что в данный момент у меня возникает ещё одно непреодолимое желание... Хочу накинуться на мужика и откусить ему ухо. Жаль, с детства не переносю вида крови. Удивительно, сколько злобы и агрессии могу испытывать по отношению к человеку, которого даже не знаю. Смотрю на круг, действительно оказавшийся дверью в помещение. Только открыть эту дверь мне, к сожалению, не удалось.

Совсем отчаявшись, закрываю глаза. Но волшебство не свершается, в муху я не превращаюсь, и шапка-невидимка не покрывает голову. От безысходности вновь перевожу взгляд на стоящего напротив человека.

– Мне понятны испытываемые вами чувства, Ирэн. Замешательство и страх – вполне естественные ощущения для

данной ситуации, Ирэн. Вы в безопасности, вам больше ничего не угрожает.

Что тебе понятно? Тебе хоть раз надевали мешок на голову? Или ты просыпался после похищения в белой круглой комнате с посторонним мужчиной? Касаюсь рукой затылка. И зачем он постоянно произносит моё имя? Разговаривает, будто врач психиатрической клиники. Может, я схожу с ума? Может, я сама сюда пришла, но не помню об этом? А если я придумала похищение...

– Не волнуйтесь, – едва слышно говорит он, видимо, заметив какие-то изменения в моём состоянии.

Почему от сказанных им двух слов «не волнуйтесь» я начинаю волноваться ещё больше? Смотрю на мужчину, внешность которого уже кажется мне знакомой. Фантастика. Знаю, что у меня проблемы с головой, но когда началось обострение? Пытаюсь слушать, но сосредоточиться получается плохо. Вглядываюсь в черты лица похитителя столь долго, сколько позволяют правила приличия. Хотя уместность правил в данной ситуации – вопрос весьма спорный. Будто почувствовав мои сомнения, похититель смущается.

– Ирэн, вы слышите меня? – продолжая приветливо улыбаться и держать руки поднятыми, уточняет он.

К своему несчастью, слышу. В ответ киваю головой. Снова внимательно смотрю на него. Не утратив веры в то, что смогу выбраться отсюда и заявить о похищении в полицию, представляю, как буду описывать внешность преступника

в кабинете следователя. Если бы возникла необходимость воссоздать его портрет с помощью холодного юридического языка, которым описывают разыскиваемых преступников или маньяков, то я бы сказала примерно следующее. Мужчина на вид лет тридцати – тридцати двух, высокого роста (порядка ста восьмидесяти сантиметров), атлетического телосложения, прямые темно-русые волосы, идеально выбритое лицо, загорелая кожа, глаза карие с длинными ресницами, большой, вечно улыбающийся рот, прямая осанка, речь спокойная, без акцента, диалекта и жаргона. Одежда? Одет в джинсы, пуловер голубого цвета с рукавами до середины предплечья. На ногах коричневые мокасины, оттенок которых идеально сочетается с принтом на пуловере. Его попытка создать небрежный вид провалилась с треском, мужчина явно тщательно отнёсся к выбору одежды сегодня. Делаю глубокий вдох, начинаю чувствовать себя увереннее. Лучшая защита – нападение. Буду пока действовать по этому принципу.

– Отбросим излишнюю формальность, – высоко подняв подбородок, вполне дерзко начинаю я. – Кто вы? Что вы сделали с моей рукой?

Киваю головой на запястье. Несмотря на старания, полагаю, мне не удастся скрыть раздражения и разочарования в голосе от того, что план побега потерпел сокрушительное фиаско. И страх... Страх тоже скрыть невозможно.

– Вы можете называть меня Максом, – с заметным облег-

чением отвечает он.

Неужели действительно врач? Ничего не понимаю.

– Что вы здесь делаете? – решаю сформулировать вопрос таким образом, чтобы не выдать собственное замешательство.

Очевидно, вопрос нелогичен, но, учитывая моё нервное состояние, вполне жизнеспособен.

– Помогаю вам.

Ответ оказывается ещё более нелогичным, чем вопрос. Стоп. Мужчина пытается меня запутать. Чётко помню, как меня посадили в автомобиль и увезли в неизвестном направлении. За помощью я ни к кому не обращалась, никого ни о чём последние лет десять не просила. Он лжёт...

– Тогда что я здесь делаю? – уточняю и не пытаюсь изображать спокойствие.

– Мне бы хотелось, чтобы здесь вы считали себя гостьей, – разводя руками, отвечает он. – Понимаю, что это непросто.

Кажется, у меня начинает дёргаться глаз. Маньяк... Он точно маньяк... Я пропала.

– Неожиданно... – стараясь притупить его бдительность, осторожно произношу я. – Только в гости обычно приходят по доброй воле, а не с холщовым мешком на голове.

Он медленно опускает руки, но продолжает стоять на месте.

– Насколько мне известно, вас сюда доставили без холщового мешка... и без сознания.

Интересно... Но ведь доставили без моего согласия и ведома.

– Смею заметить, гостью не выкуривают из машины дымом, и не убивают ее спутников, – решаю использовать ещё один аргумент.

Уверенности в том, что кого-то убили, у меня нет, но три хлопка я слышала вполне отчётливо, а затем столь же отчётливо слышала падение тел на землю.

– Другого выхода не было... – пожимает плечами он. – Не думаю, что вас сильно расстроила разлука с этими людьми.

Вопросительно смотрю на похитителя. Никак не получается сформулировать мысль, будто дар речи, оказавшись трусом, благополучно меня покинул.

– Когда мы с Семёном вошли в комнату, чтобы провести вас, я заметил стоящую возле кровати обувь, – решает он не дожидаться закономерного вопроса и начинает рассказ.

Это правда. Вспоминаю, как сама сняла обувь, чтобы не шуметь. Досадно. Даже некого обвинить в своей неудаче. Мужчина усмехается уголком рта и кивает на по-прежнему стоящие под кроватью туфли. Ничуть не смутившись, пристально смотрю ему в глаза.

– При указанных обстоятельствах это могло означать лишь одно: вы уже пришли в себя, возможно, даже успели ознакомиться с этой чудесной комнатой и насладиться прекрасным видом из окна.

Окидывая взором пространство, мужчина делает многозначительную паузу, видимо, ожидая восторженной оценки своей прозорливости. Молчу. Шүрюсь, дабы придать лицу более агрессивный вид. Чудесная комната и прекрасный вид из окна? Сомнительное утверждение, довольно сомнительное.

– Тогда пришлось пойти на маленькую хитрость и выпроводить напарника, – он продолжает играть роль лучшего сыщика всех времен и народов, поражая способностью логически мыслить и упиваясь собственной неотразимостью, – услышав удаляющиеся шаги и звук закрывающихся дверей, вы решили, будто снова находитесь в комнате одна, и открыли глаза.

– Удивительная проницательность, – язвительно замечаю я. – Можете собою гордиться, у вас получилось меня обмануть.

– О, я горжусь, не сомневайтесь, – вполне откровенен он. – Надеюсь, вы в полной мере смогли оценить степень нашего гостеприимства?

– Я оценила ваше гостеприимство в полной мере, – без колебаний отвечаю. – А теперь мне пора домой.

Двигаюсь на край круглой кровати, быстро засовываю ноги в туфли, встаю. Мужчина разворачивается и неспешно подходит к окну. Его плечи расправлены, шаг уверенный и ритмичный. Мужчина явно чувствует себя комфортно, ситуация не вызывает у него беспокойства или волнения. В от-

личие от меня.

– Ирэн, вы чего-то ждёте? – спокойным ровным тоном уточняет он.

– Жду, когда вы откроете дверь, – произношу я вполне серьёзно.

Не могу сказать, что рассчитываю на его доброту или понимание, но попытаться выяснить максимум информации все же необходимо.

– Я не могу этого сделать, – он потирает нос указательным пальцем левой руки.

– Почему? – спрашиваю, почувствовав в его голосе сомнение.

Тяжело вздыхает и разводит руками.

– Мне платят за то, чтобы я убедил вас сотрудничать с моим работодателем.

Уже лучше. Сотрудничество? Несомненно, они избрали довольно оригинальный способ донести до меня своё предложение.

– А если вам не удастся это сделать?

– Буду огорчён, поскольку вы мне искренне нравитесь, – хладнокровно и неубедительно произносит он, смотря вдаль.

Взгляд кажется пустым и отрешённым. Снимаю с себя часы и браслет, решительно кидаю их на пол.

– У меня больше ничего нет. Выкупа не дождётесь.

Он неспешно переводит взгляд с предметов на меня.

– Я знаю, – уверенно кивает. – Ваши деньги меня не ин-

тересуют. Наоборот, планирую предложить заработать вам.

Подходит ближе, наклоняется, аккуратно поднимает с пола браслет и часы.

– Красивая вещь, – рассматривая браслет, говорит он.

Мне всё это надоело. Я запуталась, ничего не понимаю. Хочу домой, хочу есть, хочу спать, хочу навсегда забыть об этой истории.

– Макс, кажется, так вы разрешили мне себя называть?

– Вы совершенно правы, – расплываясь в улыбке и протягивая в открытой ладони мои вещи, отвечает он.

Осторожно забираю часы и браслет из его руки, неспешно надеваю их на запястье. Макс тем временем возвращается на прежнее место, останавливается у окна.

– Бесконечно ценю возможность непринуждённого светского общения, однако вернемся к вашему предложению, – деловито продолжаю. – Чего вы хотите?

– Конструктивного сотрудничества, – не мешкая, произносит он. – Нам известно о вашем таланте, точнее, даре, и мы планируем использовать его в своих целях.

– Что? Я удивляюсь вашей наглости! – всплеснув руками, поднимаю глаза к небу.

Откуда он узнал? Как ему удалось это выяснить? Может, только догадывается? Может, своим уверенным тоном пытается ввести меня в заблуждение? Он не может знать достоверно...

– О чём вы говорите? Какой дар? – с возмущением уточ-

няю, пытаюсь не выдавать растерянности и используя весь свой незаурядный актёрский талант.

– Думаете, отказавшись от предложения, просто уйдёте домой? – не поворачивая головы, задаёт он вопрос, явно не требующий ответа.

Делаю глубокий вздох, считаю до десяти. Очевидно, шутить со мной здесь не намерены. Необходимо действовать быстро и чётко, но благоразумно. Права на ошибку у меня нет. Внутренний голос подсказывает, что нужно попробовать потянуть время, оценить ситуацию, поиграть с их терпением, а дальше... Война план покажет. В любом случае, никаких других вариантов мне в голову не приходит. Пока не приходит.

– Значит так... – категорично заявляю я, почему-то решив, что могу диктовать свои правила. – Вашими стараниями я осталась без завтрака, поэтому мы сможем продолжить общение только после чашки горячего кофе.

– Отлично, – отряхнув руки от невидимой пыли, Макс наконец переключает внимание с пейзажа за окном на меня. – Не возражаете, если мы пообедаем на свежем воздухе? Сегодня прекрасный солнечный день, нет никаких причин для самовольного затворничества.

Смотрю исподлобья.

– Вам бы стихи писать, а не девушек похищать.

– Обещаю подумать над вашей рекомендацией, – холодно произносит он.

– Не утруждайтесь...

– Обувь не забудьте надеть...

Макс снисходительно смотрит на меня, уверенно подходит к кругу на стене. Видимо, я справедливо приняла этот круг за дверь. Интересно, как эта дверь открывается? Секретный код? Макс пристально смотрит на меня, медленно поднимает руки, хлопает ладонями. Как по мановению волшебной палочки, круг делится на две части, затем каждая часть плавно отодвигается в сторону. На лице Макса появляется ехидная усмешка. Удар ниже пояса... У меня был шанс выйти из комнаты до прихода похитителей, но я не смогла им воспользоваться. Сомневаюсь, что в данный момент у меня получается скрыть свои эмоции.

– Я же сказал, – изогнув бровь, произносит он, – вы для нас желанный гость.

– Как же сильно мне хочется вас ударить, – не сдерживаюсь я.

– Тогда не буду поворачиваться к вам спиной.

Макс делает рукой жест, по-джентльменски пропускает меня вперед. Решаю не пренебрегать его гостеприимством и поспешно выхожу из белой комнаты. За дверью ожидает серый и мрачный коридор. От контраста немного теряюсь. В коридоре темно, скудное искусственное освещение ситуацию не спасает. От солнечного света, озаряющего белую комнату, здесь не остаётся и намёка. Глазам не сразу удаётся привыкнуть к столь резким переменам: часть коридора про-

хожу, не различая границ и размеров данного помещения.

— Надеюсь, вы умеете держать слово, и вместо обещанной трапезы на свежем воздухе я не окажусь в сыром и тёмном подвале? — интересуюсь, засовывая руки в карманы платья.

Макс игнорирует вопрос, молча идёт дальше. Довольно быстро мы оказываемся в просторной светлой зале. Комната вполне уютна и светла. Пожалуй, я бы даже не стала возражать против стола, накрытого именно в ней. Предметы интерьера и мебель рассмотреть не удаётся, поскольку Макс решительно пересекает комнату по диагонали и подходит к шикарным портьерам вишневого цвета, прикрывающим ещё одну дверь. Но эта комната совершенно не похожа на белую, ее интерьер не монохромный. Здесь мебель в классическом стиле, привычные цвета и традиционные формы, несомненно, радуют глаз. Неожиданный контраст.

— Думаю, на сырой и тёмный подвал это не похоже, — с долей иронии говорит мне Макс.

Затем откидывает в сторону портьеру, открывает расположенную за ней дверь. Поток солнечного света, свежего воздуха, особенного запаха и шума врывается в комнату.

Чтобы казаться увереннее и выше, поднимая, точнее, задирая голову и твердой походкой направляюсь к дверному проёму. Мускулы лица напряжены. Вид, как мне кажется, устрашающий.

Проходя мимо Макса, на секунду останавливаюсь и, едва повернув голову в его сторону, презрительно и высоко-

мерно смотрю в глаза. Пытаюсь продемонстрировать серьёзность намерений, одним взглядом обнаружить всю палитру пробуждённых во мне эмоций. Моё естество бунтует против похищения, заточения в чужом доме, вынужденного общения с посторонним человеком. Раздражение, злость, обида, страх – далеко не исчерпывающий перечень чувств, пыльным цветом распутившихся во мне сейчас и буквально поглотивших сознание. Щурюсь, сжимаю руки в кулаки, зубы крепко стиснуты. Макс смотрит на меня с нескрываемой иронией и... любопытством, будто рассматривает какой-то неодушевлённый предмет вроде кресла или сковороды... Смотрю на него снизу вверх и под напором его взгляда ощущаю, что выгляжу смешно и неестественно.

– Я похожа на картину? – цежу сквозь зубы. – Или музейный экспонат?

– Не думаю... Если вы и похожи на персонаж картины, то, несомненно, крайне агрессивный...

Наверное, выгляжу, как пантера перед броском, или кобра... Правильно, бойся, противник.

– Ваш пристальный, дотошный взгляд меня возмущает, – стараюсь, чтобы голос звучал жестко. – Даже не пытаетесь скрыть своего интереса. Словно много обо мне слышали, давно составили своё особое мнение, а теперь, анализируете, откровенно сравниваете с реальностью.

– Я слышал о вас достаточно, это правда. Но я представлял вас себе немного иначе.

– И какой же вы меня себе представляли?

– Более дерзкой.

Я сейчас убью этого человека. Он меня провоцирует?

– И что же вам дало основание думать обо мне так, а не иначе?

– Снова хотите меня ударить? – интересуется он, смотря мне в глаза.

– Не считаю нужным соответствовать чьим бы то ни было ожиданиям...

От его уверенного и спокойного тона у меня внутри всё клокочет, но я не позволяю страху взять верх над самообладанием. Однако, видимо, негодование и злость всё же не умещаются в хрупком теле и вырываются наружу, поскольку Макс явно испытывает дискомфорт, даже чуть пятится в сторону. Я, напротив, ощутив мощный прилив сил, решительно шагаю в дверной проём. Переступив небольшой порог, оказываюсь на шикарном балконе полукруглой формы.

Ясное безоблачное небо и яркое солнце над головой, всё вокруг залито солнечным светом, теплом и особенным запахом. Огромный балкон поражает своим великолепием, в качестве декора – красивые перила с фигурными столбами. Несмотря на внешнюю помпезность и монументальность, балюстрады гармонично вписываются в общий вид балкона, не отвлекая внимания от пейзажа и не нарушая гармонии. Отсюда открывается роскошный вид на море. Поток свежего морского воздуха приятно обдаёт лицо. Интересно, шум

моря действительно не был слышен в белой комнате или я попросту не обратила на него внимания?

Осторожно подхожу к краю балкона, наслаждаясь свежим воздухом и невообразимым видом, открывающимся отсюда. Солнечные блики легко играют на поверхности воды, отчего бегущие друг за другом невысокие волны, кажутся ещё более незаметными.

Море невозмутимо степенно, словно ничто и никто не в силах потревожить его царственный покой. Неспешно волны бьются о стены дома, издавая характерный шум. Создаётся иллюзия, будто земля, на которой стоит особняк, всего лишь маленький островок в бесконечном водном пространстве, а небо и море здесь соединяются в одно сплошное полотно. Справа от особняка над поверхностью воды возвышаются несколько валунов, естественно дополняя и мастерски подчеркивая живописность пейзажа. Глыбы столь органично вписываются в ландшафт, придавая законченность и абсолютную гармоничность этой, без преувеличения, идеальной картинке. Наслаждаясь безмятежностью моря и восхищаясь красотой природы я, кажется, на мгновение забываю обо всём, даже о необходимости побега.

– Красиво, – говорю, не поворачивая головы и совершенно забыв о присутствии постороннего человека.

– Место здесь хорошее, безлюдное... – замечает Макс, явно желая поддержать разговор.

Вздрагнув от неожиданности, оборачиваюсь. Он стоит

в нескольких метрах от меня и, одной рукой опираясь на перила, смотрит на воду. Макс производит впечатление беспечного, не обременённого обязательствами и заботами человека. Всегда завидовала людям, умеющим если не жить беззаботной жизнью, то, по крайней мере, казаться легкомысленными. Ценное качество, особенно в условиях современных жизненных реалий.

– Беспокойтесь, что стану звать на помощь? – с насмешкой глядя на него, интересуюсь я.

– Бесполезно, – авторитетно заявляет мужчина.

Слова слетают с его губ легко и просто. Бесконечно убеждён в собственной правоте и неотразимости. Крайне неприятный тип.

Чуть наклонившись над перилами, смотрю вниз. От высоты начинает кружиться голова.

– Если решу прыгнуть с балкона? – я стараюсь придать голосу больше жёсткости и выразительности.

– Есть минимум две причины, способные вас остановить.

– Удивите меня, – подзадориваю, пытаюсь понять, как много знает обо мне этот человек.

– Боязнь высоты... – уверенно произносит он.

Зачёт... О фобии знает. Может, обманывает? Акрофобия считается врождённым инстинктом человека, поэтому вполне логично предположить, что и я испытываю страх высоты.

– Вздор! Я высоты не боюсь, – пытаюсь убедить в этом если не его, то хотя бы себя, громко заявляю я.

Макс равнодушно смотрит вдаль, усмехается и качает головой. Он уличил меня в обмане.

– Есть и вторая причина? – стремясь сохранять хладнокровие, интересуюсь я.

– Любопытство, – почувствовав себя победителем, дополняет он, – не станете прыгать, пока не выслушаете моего предложения.

Думает, что знает обо мне всё? Ошибается.

– Значит, всё-таки после того, как выслушаю предложение, прыгнуть могу?

– Убеждён, после нашего разговора вам не захочется этого делать, – тон его голоса становится немного мягче.

– Звучит многообещающе, – говорю я, отвернувшись от воды.

Из-за головокружения, возникшего от высоты и яркого света, желание стоять на краю балкона и любоваться морем пропадает окончательно. Теперь можно спокойно оглядеться и попробовать привыкнуть к окружающей обстановке.

Особняк представляет собой просторный дом, расположенный на берегу и с трёх сторон омываемый морем. Дом состоит из трёхэтажного основного корпуса и большой пристройки к нему и являет довольно унылое зрелище. Он кажется заброшенным и давно не предназначенным для проживания. Впечатление усиливает отсутствие домов и строений по соседству. Словно мудрый старец, добровольно отрекшийся от мирской жизни, ограничил дом все связи

с внешним миром. Не привыкший к гостям, по какой-то неведомой, пожалуй, ему самому причине, теперь вынужден претерпевать неудобства в связи с присутствием чужаков. Морщусь нос. От дома веет одиночеством и неухоженностью, отчего на душе становится ещё тоскливее.

– Сколько лет особняку? – спрашиваю, совсем заскучав.

– Насколько мне известно, особняк построен в середине XX века, довольно долгое время здесь никто не проживал. Буквально несколько лет назад его вместе с прилегающей территорией почти за бесценок приобрёл мой работодатель. Произвёл капитальную реконструкцию, присоединил крыло к основному корпусу. Использование современных умных технологий было решено свести к минимуму, поэтому сохранены двери из натурального дерева, фурнитура, третий этаж, – на его лице появляется скептическая усмешка. – Только мощный охранный комплекс...

– Чтобы удобнее было держать здесь похищенных людей? – не спрашиваю, а скорее утверждаю я, недоумённо смотря на Макса.

Моё примечание он во внимание не принимает.

– Понимаю ваше удивление и растерянность, Ирэн. Первое время от холодности дома мне тоже становилось не по себе.

– Всерьёз полагаете, что в данный момент меня заботит чья-то холодность? – усмехаюсь я.

– Думаю, вы чувствовали бы себя гораздо комфортнее

в уютных апартаментах, оснащенных современными технологиями.

Стоп. Моё пребывание здесь не ограничится одним днём? Что нужно этим людям?

– Буду обедать здесь? – решаю пока деликатно сменить тему.

– Да, сейчас принесут ваш обед.

Макс указывает рукой на одно из плетёных кресел возле небольшого столика. Незатейливая мебель, размещенная справа от двери, кажется неотъемлемым продолжением особняка, лаконично вписывается в общий пейзаж. Присаживаюсь. Несмотря на довольно непритязательный вид мебели, располагаюсь очень уютно. Свежий морской воздух активно наполняет лёгкие кислородом, отчего чувство голода резко усиливается. Макс остаётся стоять возле перил. Он молчит. Изо всех сил стараюсь отвлечься и думать о хорошем. Результатом похвастаться не могу...

Через некоторое время слышу звук приближающихся шагов. Внутреннее напряжение нарастает, неизвестно, кто ещё меня может ожидать в этом доме. Или что... Поворачиваю голову в сторону выхода. Шаги становятся всё отчётливее и громче, как и стук моего сердца. Секунду спустя на балконе появляется молодая девушка. Чувствуя облегчение, делаю глубокий выдох. Кажется, моя нервозность становится всё более заметной, по крайней мере, Макс явно обращает внимание на мою реакцию.

В руках у девушки поднос с едой, преимущественно фруктами и выпечкой, а также двумя чашечками чего-то горячего. Судя по аромату, в чашках кофе. Больше напоминает лёгкий завтрак, нежели полноценный обед.

Девушка осторожно обходит стол. Я сосредоточенно наблюдаю за её робкими и плавными движениями. Она выглядит опрятно в своем белом переднике поверх тёмно-фиолетового платья с короткими рукавами и убранными в аккуратный пучок светло-русыми волосами. Миниатюрная, лицо с чётко очерченными скулами, высоким лбом и лёгким румянцем на щеках. Ведёт себя кротко, пытается угодить и казаться милой. Её появление меня озадачивает: значит, я здесь не единственная «гостя». Интересно, девушка находится в доме добровольно?

– Ирэн, познакомьтесь, это Инна, – указывая на девушку, произносит Макс. – Она поможет вам в любом бытовом вопросе.

Инна сдержанно улыбается, окидывая меня изучающим взглядом. Киваю головой, с надеждой вглядываясь в лицо девушки. Безусловно, внешность не вызывает во мне интереса, пытаюсь разглядеть в глазах страх, растерянность, желание выбраться из лап похитителей. Но ни намёка на жестокое обращение, неадекватное поведение, готовность к побегу либо оказанию посильной помощи в этом вопросе мне, не нахожу. Девушка ничуть не производит гнетущего впечатления, не выглядит, словно узница замка, нуждающаяся в защите

или союзнике в борьбе со злом. Она ведёт себя совершенно естественно, вытирая стол, затем неторопливо расставляя принесённые яства. Смотрю на её тонкие запястья – шрамы отсутствуют. Выложив всё с подноса и поправив передник, Инна неспешно удаляется. Провожая её взглядом, погружаюсь в собственные мысли.

– Инна не рабыня, уже несколько лет она выполняет свою работу на добровольных началах и получает за это ежемесячное жалование, – неожиданно прерывает Макс молчание, внимательно смотря на меня.

– Её привезли сюда так же, как меня... в качестве гостыи? – усмехаюсь я.

– Нет, раньше она работала в доме нашего работодателя, теперь её место здесь, – неохотно отвечает Макс.

Вывод напрашивается неутешительный. Беру в руки чашку кофе. Интересно, это можно пить или меня хотят отравить?

– У нас было достаточно времени и возможностей, чтобы убить вас, Ирэн, – кивая на чашку, он добавляет, – не бойтесь.

Закрываю глаза, ничего не хочу видеть. На мгновение успокаиваюсь, забывая обо всём. Шумит море, свежий ветер приятно обдувает тело. Вдыхаю насыщенный аромат напитка и согреваю руки о горячую чашку. Тишина, единение с собой и своими мыслями. Не знаю, сколько длится негa. Открываю глаза. Макс с удивлением рассматривает меня, оста-

ваясь стоять у перил. Одиночество – не более чем фантазия.

Глава II: Предложение, от которого невозможно отказаться

Макс чем-то озадачен, к еде не притрагивается, игнорируя даже эспрессо. Хотя, может, он просто не является любителем кофе. Я свою жизнь без бодрящего напитка и представить уже не могу. Вопреки сильному чувству голода, принесённую еду оставляю без внимания. По всей видимости, чувство страха подавляет голод. Заметив мою отрешённость и равнодушие к пище, Макс распоряжается убрать со стола. На балконе вновь появляется Инна. Проявляя педантичность, она начинает скрупулёзно складывать на поднос фрукты, выпечку, пустую чашку, потом несколько раз вытирает стол.

– Ты довольна размером заработной платы? – задаёт Макс вопрос, обращаясь к девушке.

– Да, меня всё устраивает, – едва улыбаясь, настороженно отвечает она. Вопрос явно кажется ей абсурдным.

– Находишься здесь по собственной воле?

– Да, – удивлённо изогнув бровь, недоумённо смотрит на меня Инна.

– Хорошо, – немного помолчав, Макс утвердительно кивает головой и коротко дополняет, – принеси.

Инна изображает на лице не поддающуюся трактовке эмоцию, забирает поднос и удаляется.

– Для меня стараетесь? – не в силах удержаться от сарказма, заявляю я.

– Мне захотелось, чтобы Инна сама ответила на возникшие у вас вопросы, чтобы не было сомнений в моей честности, – смутившись, видимо, ощутив некую театральность диалога, отвечает он.

– Целый спектакль разыграли...

Чувствую, как на моём лице появляется ядовитая ухмылка.

– Изо всех сил стараюсь быть гостеприимным, – будто оправдывается он.

– Можете себя не утруждать...

По лицу Макса начинаю понимать, что слегка перегибаю палку.

– Я редко себя чем-то утруждаю, – достаточно жёстко произносит он. – Нас ожидает довольно длительное сотрудничество, в ваших же интересах установить со мной доверительные отношения.

Его слова вызывают у меня искреннее удивление. Смотрю на Макса широко открытыми глазами.

– Лично я вам не враг, Ирэн, – заметив мой взгляд и смягчив тон, произносит он.

– Доверительные отношения строятся на доверии, – иронично замечаю я. – Едва ли можно доверять человеку, рабо-

чие отношения с которым начинаются с похищения.

– Абстрагируйтесь от мысли о похищении, – пожимает плечами он.

Думаю, Максу необходима помощь врача. Срочно.

– Иногда у меня создаётся ощущение, что вы не понимаете, о чём говорите, – решаю я деликатно намекнуть о наличии проблемы.

– Вы заблуждаетесь, я владею ситуацией и понимаю, о чём идёт речь. Именно поэтому я столь лоялен к вам.

– Вы проявляете неслыханное великодушие, – с насмешкой делаю я церемонный наклон головы. Будь на мне платье с кринолином, непременно сделала бы книксен.

– На определённый период вам необходимо будет устремить свои чувства, мысли и интересы на достижение конкретной цели, – будто не заметив мой театральный жест, серьёзно произносит Макс.

Пререкания могли бы длиться бесконечно долго, но на балконе вновь появляется Инна. Передав Максу интерактивную панель, улыбается ему и, едва кивнув головой в мою сторону, вновь удаляется. Что-то в её поведении меня настораживает. Хотя, пожалуй, странным человек склонен считать всё, чего не может понять.

– Ирэн, вернемся к нашему разговору, – прерывает Макс слегка затянувшееся молчание и кладёт панель на стол.

– Что это?

Не знаю, зачем задаю этот вопрос, и так понятно, что пе-

редо мной панель. Предполагаю, она содержит определённую информацию, однако не думаю, что мне действительно интересно, какую именно...

– Можете ознакомиться с содержимым, – придвинув ко мне, отвечает он.

Осторожно беру в руки гаджет. Сердце бьётся учащённо, справляться с волнением становится всё сложнее. Охватывает тревожное предчувствие, а я склонна доверять своим предчувствиям.

– Смелее. Не думаю, что найдёте там нечто новое для себя, – произносит Макс и отходит к краю балкона.

Это почему-то придаёт мне уверенности, и я провожу рукой по панели. Экран постепенно становится ярче, на нём появляется несколько папок. Первой почему-то открываю третью папку снизу. На экране возникает около сотни документов, в том числе мои фотографии в профиль и анфас, некоторые эпизоды биографии, характеристики. Следующий файл содержит ежедневные отчёты о посещаемых в течение дня местах и заведениях. Судя по дате первого отчёта, за мной начали пристально наблюдать около двух месяцев назад. Своеобразное ощущение. Бегло просматриваю остальные файлы, некоторые из них содержат сведения и фотографии с моего личного домашнего компьютера. Возмутительно, противозаконно! Нужно успокоиться, оценить ситуацию. Что я могу сейчас сделать? Полагаю, ровным счётом ничего. Дышать глубже, считать до десяти. Считаю, точнее,

пытаюсь считать. Немного остыть удаётся только после двадцати.

– Особенно поражает этот портрет, – увеличивая очередную картинку в стиле абстракционизма, замечаю я. – Отмечу потрясающее сходство...

Макс оборачивается, внимательно смотрит на меня. Разворачиваю панель в его сторону, укоризненно качаю головой. Выдержка Макса достойна уважения. Он смотрит на меня так, словно даёт понять, что это всего лишь цветочки, ягодки ждут впереди.

– Ориентировочный портрет с учётом биометрических характеристик психо-эмоционального состояния в период наблюдения. Его трудно расшифровать без специальных знаний и навыков. Вполне безобидная информация, не стоит драматизировать, – вновь повернувшись ко мне спиной, снисходительно уточняет Макс. – Ирэн, как вы понимаете, мы основательно подготовились к встрече с вами. Мой работодатель – серьёзный человек, предпочитающий, чтобы оплачиваемую им работу выполняли безукоризненно. Несколько месяцев наблюдения за вами принесли свои плоды. Разрешаю вам бесцеремонно прервать мой доклад в случае несогласия с какими-либо фактами.

Сосредоточенно смотрю на него. Этот человек вызывает во мне страх и ярость. Сложное сочетание эмоций. Отвожу глаза в сторону. Он продолжает стоять, облокотившись о перила и устремив взгляд в пространство.

– Ирэн Виленская, 14 апреля 1995 года рождения, – твёрдым уверенным тоном продолжает он. – Не буду углубляться в генеалогические корни рода Виленских, с вашего позволения. Если интересно, можете ознакомиться с данной информацией позже.

– Не поленились даже этим вопросом озадачиться, – язвительно замечаю я, закрывая папку со схематическим представлением родственных связей в виде древа и информацией о близких и не самых близких родственниках.

– Разрешите мне продолжить?

– Извольте. Очевидно, я не в силах заставить вас молчать.

– Спасибо, – спокойно произносит он и сочувственно добавляет: – Вам не было и пятнадцати, когда в результате дорожно-транспортного происшествия...

Макс замолкает... С моими скудными воспоминаниями о том дне он явно ознакомлен... Ставлю локти на стол, склоняю голову, ладонями касаюсь висков. Воспоминания словно ударяют в голову... Дорога, автомобиль, в котором находится вся моя семья, папа за рулём. Смотрю на сестру, она держит в руках любимую куклу. Мне никогда не нравилась эта кукла... На мгновение отвлекаюсь, отворачиваюсь к окну, вижу вспышку яркого света, ощущаю удар.

Собственно, это всё, что я помню. Поднимаю голову, закусив губу, провожу пальцами по верхней боковой части панели. Макс продолжает молчать, предоставляя мне время. Он не решается упомянуть о том, что было дальше. А дальше

я с серьёзной черепно-мозговой травмой оказалась в больнице, где двое суток не приходила в сознание, находясь в состоянии комы. Только всё это мелочи по сравнению с тем, что мне пришлось пережить очнувшись...

Верчу в руках панель. Благодаря спасительному свойству памяти из того периода, помню, к счастью, довольно мало. Но и обрывков воспоминаний достаточно, чтобы в глазах закипели слёзы.

Придя в себя в больничной палате после комы, я была растеряна и напугана. Хотелось увидеть родных, убедиться в том, что они не пострадали, пожаловаться на свое состояние. Но никто не приходил... Никто не пришёл ни в тот день, ни через три дня, ни через неделю. Врачи продолжали лгать, убеждая, что родных просто не пускают ко мне в целях повышения эффективности лечения. Но я помню их сочувственные взгляды... Сомнения терзали. Тогда я впервые в полной мере ощутила социальное и духовное одиночество. Меня держали в неведении относительно судьбы близких людей, опасаясь, что ослабленный молодой организм может не выдержать нового стресса. В больнице провела почти месяц, врачи тогда буквально сражались за мою жизнь. Наконец я узнала, что по вине водителя, не справившегося с управлением грузовиком и выехавшего на встречную полосу, мои родители и маленькая сестра погибли. Мне больше не хотелось жить. Вместо благодарности за спасение я спросила, почему мне не позволили умереть...

За время, прошедшее с момента аварии, я, кажется, научилась абстрагироваться и глушить воспоминания о том роковом дне. Но сейчас слёзы всё же предательски подступают к горлу. Стараясь стойко держаться, чтобы не выглядеть излишне эмоциональной перед посторонним человеком, переключая внимание на стоящее рядом плетёное кресло. Макс, не оборачиваясь, стоит у края балкона, что позволяет мне немного успокоиться.

– Извините, что мне приходится затрагивать эту тему, и примите мои искренние соболезнования, – тихо произносит он, повернувшись ко мне через некоторое время.

– Продолжайте, иначе этот разговор не закончится никогда, – заявляю я, изо всех сил демонстрируя хладнокровие.

– Излишне упоминать, насколько глубока была душевная травма и горечь от потери любимых людей, – словно заученными фразами начинает изъясняться он.

– Но вы не в силах удержаться и всё же упоминаете об этом, – раздражённо замечаю я. – Благодарю за увлекательную экскурсию по волнам моей памяти, но нельзя ли как-то ускориться?

– Мы полагаем, что первые видения стали приходить к вам именно в тот период. Безусловно, подростку сложно было самостоятельно справиться с такой эмоциональной нагрузкой. Согласно характеристикам из детского дома, вы отличались от остальных детей не только замкнутостью и рассеянностью. – Макс осторожен в высказываниях и тщатель-

но обдумывает, подбирает каждое слово. – Общение любого рода сознательно исключали, сторонились и сверстников, и педагогов, свободное время проводили за чтением книг. Первоначально попытки удочерить вас предпринимались несколькими семейными парами, но эмоционального контакта установить не удалось никому. С дальними родственниками у вас диалога тоже не получилось, забрать вас к себе они не смогли.

К счастью... Мне они никогда не нравились... Интересно, а о том, что я школу бросила, вспомнит? Больше всего меня тогда раздражали бесконечные походы по специалистам, не способным определить, что происходит в моей голове. Я и сама в то время не могла понять, что со мной происходит... Иногда память нещадно возвращает в период отрицания действительности, погружения в иллюзорный мир, где всегда светло, тепло и дома ждут родители... К слову, не самый лёгкий период моей жизни.

Хаотично кликаю на папки, просматриваю файлы. Голова идёт кругом. Заостряю внимание на одной из характеристик. Категоричность суждений, упрямство, бескомпромиссность, импульсивность – отнюдь не исчерпывающий перечень моих достоинств. Не могу справиться с невольной усмешкой.

– Вас что-то рассмешило? – внимательно рассматривая меня, интересуется Макс.

– Безжалостность суждений, – с наигранной горечью замечаю я.

Оттолкнувшись обеими руками от стола, медленно отодвигаю кресло. Скрежет ножек кресла о пол, бесспорно, действует Максу на нервы, он морщит лоб. С улыбкой смотрю ему в глаза, уверенно беру панель в руки, подхожу к перилам. Макс смотрит на меня безотрывно, следя за каждым движением, и, кажется, понимает, что мне наскучил этот разговор. Держу панель в руке, разворачиваю её экраном вниз и с нескрываемым удовольствием разжимаю пальцы. Макс спокойно провожает взглядом летящий вниз гаджет. Слышен слабый всплеск – устройство исчезает под водой. Макс безразлично разводит руками.

– Надеюсь, у вас ещё есть? – хладнокровно интересуюсь я.

– Не сомневайтесь, – усмехнувшись, парирует он. – Вы с чем-то не согласны?

– Согласна с каждым словом, просто иногда забываю, какой упрямой, бескомпромиссной и импульсивной на самом деле являюсь, – говорю я. Затем вполне искренне добавляю: – Хорошо, что вы мне об этом напомнили.

– Обращайтесь, – любезно замечает он и вновь отворачивается от меня.

Возвращаюсь за стол. Жаль, фрукты унесли...

– Это всё, что вы хотели со мной обсудить, Макс? Открою секрет, зря себя утруждали, собирая столь ценную информацию. – Немного помолчав, дополняю: – Я могла бы сама вам об этом рассказать, если бы спросили.

Макс резко поворачивается ко мне, внимательно смотрит

в глаза. Мышцы его лица напряжены, губы крепко сжаты. Он переполнен энергией, разъярён. Наш диалог неприятен обоим собеседникам... Замечательно... Долой маски, хватит играть роль доброго и благородного человека, стремящегося спасти меня и весь мир заодно.

– Сомневаюсь, – не унимается он. – Полагаю, напротив, вы пытаетесь убежать от всех, включая себя, и любые попытки вспомнить или хотя бы задуматься о прошлом активно блокируются мозгом.

– Даже если это правда, не стоит так нервничать, – чуть слышно произношу я. – Вы меня похитили, чтобы поговорить о моем прошлом, основах психоанализа и реакциях мозга?

– Не совсем так, – немного успокоившись, продолжает он. – Но отчасти вы правы. Как я уже говорил раньше, мы планируем использовать ваш дар в своих целях. Но, чтобы научиться управлять этими способностями в будущем, нам необходимо разобраться в прошлом.

«Невозможно работать над будущим, не смирившись с прошлым и не познав настоящего» – будто хорошо заученный отрывок возникает в памяти фраза. Не помню, откуда я её знаю...

– О чём вы говорите? – всё ещё пытаюсь отрицать наличие особенных способностей, изображаю я искреннее удивление.

Но Максу, видимо, надоело шутить, пререкаться и ходить

вокруг да около.

– Я говорю об умении предсказывать будущее... Не могу достоверно утверждать, каким именно образом вам удастся видеть предстоящие события: во снах или наяву, когда просто закрываете глаза. Полагаю, видения неподконтрольны вам и являются независимо от воли или желания. Неизменно одно – сопутствующие каждому видению сильные головные боли. Поэтому бесценный дар для вас стал бременем. Нам известно, что несколько раз вы обращались к специалистам с целью освободиться от тяжкого груза воспоминаний, избавиться от бессонницы и головных болей, однако сделать этого, к счастью, не удалось.

– К счастью?

– Конечно, иначе вы бы не оказались здесь.

– То есть, мне стоит воспринимать всё произошедшее как главную удачу в своей жизни?

– Безусловно...

Он точно не в себе.

– Продолжайте, мне становится интересно, – решив считать, говорю я.

– Осознав, что потерпели поражение в борьбе с собственным подсознанием, вы попробовали жить обычной жизнью, не обращая внимания на сны наяву и игнорируя уникальные возможности, – смело продолжает он. – В итоге выполнение работы без заключения долговременных договоров с работодателями, парень, который приходит, когда считает нуж-

ным, тысячи друзей в социальных сетях стали неотъемлемыми проявлениями вашей совершенно обычной жизни.

– Он приходит, когда я хочу его видеть, – отвечаю, не выдержав паузы.

– И вас такое положение вещей устраивает?

Молчу, не потому что нечего ответить, а потому что никогда себя об этом не спрашивала. С ним не спрашивала. В моей жизни однажды был человек, который приходил, когда хотел, и я всегда его ждала. Но тогда я была слишком честной, слишком дурой... И он ушёл, и не вернулся, и больше не появлялся в моей жизни... Он был мне дорог, видимо, просто я не была ему достаточно дорога.

– Вы столь же остро, как раньше, ощущаете одиночество и непохожесть на других людей. Мучаетесь головными болями и ночными кошмарами, заглушить которые не способны ни антидепрессанты, ни болеутоляющие, ни снотворные. Может быть, пора принять себя такой, какой вы на самом деле являетесь?

Такое ощущение, что сейчас он даст мне волшебную таблетку, после приема которой пути назад больше не будет. День однозначно не заладился. Но Макса не унять, он продолжает убеждать меня в необходимости стать собой.

– Изменив отношение к дару и воспользовавшись уникальными способностями, вы окажете нам помощь в одном деликатном деле. Мы, в свою очередь, кардинально изменим вашу жизнь, щедро отблагодарив за проделанную работу.

Тут мы и подошли к самому главному... Деликатное дело...

– Что за дело?

– Об этом позже...

Так совсем не интересно.

– Если вам известно, что видения мне неподконтрольны, то как я смогу ими воспользоваться в чьих-либо интересах?

– Я здесь, чтобы научить вас контролировать и трактовать свои видения, – тоном гуру произносит он. Звуки фанфар и барабанная дробь пришлились бы сейчас кстати. Явился спаситель. – Я окажу помощь и поддержку в любых возникающих вопросах. Единственное, что требуется от вас – это искренность.

– Искренность? – едва сдерживаю смех я.

– Надеюсь, Ирэн, вы на неё ещё способны.

– Вы слишком самонадеянный человек, Макс. Однако представим на секунду, что я всё же согласилась на сотрудничество. Как я смогу определить, что из увиденного будет представлять интерес для вас?

– Мною внимательно изучены сведения, предоставленные вами специалистам несколько лет назад во время лечения в одной из специализированных клиник.

– Сомневаюсь, что у вас есть легальный доступ к информации подобного рода...

– Не скрою, над этим пришлось серьёзно поработать.

Макс улыбается, но эта улыбка кажется мне неестествен-

ной.

– Основываясь на указанных сведениях, делаю вывод о том, что видения приходят к вам не хаотично, – продолжает он, пока я пытаюсь понять, как интерпретировать эту улыбку. – Видения чётко систематизированы и хронологически последовательны. Я прав?

Задавая вопрос, Макс осторожно потирает ухо, что выдаёт его неуверенность.

– Насколько мне известно, это так, – едва заметно киваю головой я.

– Соответственно, в том случае, если грядущие события и участвующие в них люди имеют к вам какое-то отношение, то видения обязательно это отражают?

Его вопрос ставит меня в тупик.

– Я не помню, чтобы в моих видениях когда-либо отражались какие-то конкретные люди?

– Что это значит?

– Это значит, что я не вижу лиц людей. Максимум, что я могу увидеть, это силуэты, либо услышать голоса. Если человек мне знаком, то, возможно, я его узнаю.

Стоп! Почему я начала с ним это обсуждать? Я ведь отрицала наличие способностей...

– Но в ваших видениях часто появляются реальные люди, которых вы знаете?

Молчу. Ещё не понимаю, как вести себя дальше.

– Я знаю не так много людей, чтобы им часто появляться

в моих видениях, – приняв решение не молчать, но и не выдавать секретов, осторожно произношу я.

– А малознакомые люди, например, продавец из пекарни, может появиться в видении? – продолжает он.

– Зачем?

– Допустим, вечером вы увидели, как утром покупаете у него булочки...

– Допустим...

Разговор явно действует Максy на нервы. Но я решаю не останавливаться на достигнутом. Мне нравится произведённый эмоциональный эффект. Интересно, когда он поймёт, что мне доставляет удовольствие его злить?

– И?

– Что и?

– Ирэн, вы издеваетесь? – его голос приобретает агрессивную окраску.

– Нет. Я не понимаю, что вы хотите от меня услышать.

С недоумением смотрю на Макса, изо всех сил пытаюсь сдержать усмешку.

– Пытаюсь понять, как люди попадают в ваши видения.

– Я этого не знаю, – отвечаю совершенно искренне.

Тишина, только шум моря и ветер. Очевидно, разговор Макс недоволен, его лицо приобретает серьёзно-сердитое выражение. Может, я веду себя неправильно? Меня всё-таки похитили...

– Ирэн, вы видели похищение? – немного успокоившись,

спрашивает он.

– Логично предположить... – бойко начинаю я, но затем, смягчив тон, дополняю: – Если бы я видела похищение, то смогла бы его предотвратить.

– Аварию вы хотя бы видели? – с надеждой спрашивает он.

От этого взгляда становится не по себе.

– Я знала об ударе, дыме и едком запахе гари, о потере сознания...

– Отлично, – искренне радуется он. – Когда вы это увидели?

– За шестьдесят секунд.

– Как вы узнаете, сколько времени осталось до этого события?

– Я просто это знаю, – и, помолчав, добавляю: – Мне надоело отвечать на вопросы.

– Нет проблем... – неожиданно быстро соглашается он. – Тогда задавайте вопросы.

Молчу, пытаюсь прислушаться к своим ощущениям и понять, удалось ли Максу посеять зерно сомнения в моей голове. Безусловно, он использует сомнительные методы, игры на грани. Но что-то в нём, несомненно... цепляет. Макс благодушно позволяет мне откровенно его рассматривать. И как бы искренне мне ни хотелось принизить его, не могу не отметить мужественные черты лица, волевой подбородок. В зависимости от освещения и эмоций его карие глаза меня-

ют цвет, становясь янтарными. Он, слегка щурясь на солнце, смотрит вдаль. Надо отметить, держится с достоинством, при этом без высокомерия и надменности. Его можно назвать обаятельным, располагающим к общению. Такие люди успешны во всём, легко идут по жизни, не обременены обязанностями или ответственностью... Им многого удаётся добиться, лишь улыбнувшись. Макс переводит взгляд на меня, на его лице появляется искренняя улыбка. Отвожу взгляд в сторону. Он уверен в успехе и собственной неотразимости. Не в этой ситуации, Макс, не в этой...

– Если я солгала, и никаких видений у меня нет и никогда не было? – опустил глаза, спрашиваю я.

Улыбка сходит с его лица. Кажется, он в недоумении. Макс подходит ко мне на расстояние вытянутой руки и наклоняется к лицу.

– А вот этого я не слышал, – шепчет он. – Если сейчас станете утверждать, что не умеете предвидеть будущее, оказались здесь совершенно случайно или не справитесь с возложенными на вас обязанностями, то убедить работодателя сохранить вам жизнь мне будет крайне трудно.

– Какие у меня гарантии, что меня не убьют после выполнения условий нашего договора, или, в случае успеха, не сделают рабыней до конца дней? – приблизившись к нему и пристально смотря в глаза, не громко, но чётко спрашиваю я.

Макс окидывает взглядом балкон, часть дома, дверной проём.

– Никто никаких гарантий вам не даст, Ирэн, – продолжая смотреть мне в глаза, чуть громче, чем ранее, говорит он. – Боюсь, вы сейчас не в том положении, чтобы ждать каких-то заверений. Давайте рассуждать логически. Мой работодатель проявляет гостеприимство и толерантность, позволяя чувствовать себя вполне естественно и свободно, однако не стоит забывать о том, что вас похитили.

– Благодаря вам я об этом никогда не забываю.

– Откуда в вас столько ненависти? Вы ведь даже не знаете меня.

Он замолкает, на его лице искреннее недоумение. А какой реакции он от меня ожидал? Благодарности за то, что моя жизнь однажды утром кардинально изменилась? Признательности за то, что я не знаю, смогу ли вернуться домой и когда это произойдёт?

– В начале нашего общения вы обмолвились о доверительных отношениях, которые должны между нами возникнуть. Начнём, – потирая руки, уверенно произношу я. – Ваше настоящее имя?

– Максимилиан, – отвечает без колебаний, затем иронично добавляет. – Теперь понимаете, как мне тяжело.

– Необычное имя, – только и удаётся произнести.

– Да, мама выбирала.

– Вам оно не нравится?

– Почему вы так решили? – неподдельно удивляется он.

– Вы представились Максом.

– Так удобнее, – пожимает плечами.

– То есть вас все называют Максом? – спрашиваю, немного смягчив тон.

– Нет, – и, громко засмеявшись, дополняет: – Кто-то обращается ко мне исключительно по имени-отчеству.

Его реакцию нахожу весьма своеобразной, но не считаю нужным это комментировать. В голове столько вопросов, что конкретную мысль удаётся сформулировать не сразу.

– Что у меня с рукой? – протягивая запястье, грозно спрашиваю я.

– Хороший вопрос, попробую ответить на него, сведя лукавство к минимуму, – подозрительно витиевато начинает он. – Это то, что не позволит вам уйти раньше, чем мы закончим работу.

– Вы что-то мне ввели?

– Да.

– Что?

– Это полностью безопасно для вашего здоровья.

– Покажите свои запястья, – незамедлительно требую я.

Безропотно подчиняясь, Макс протягивает руки.

– Если это безопасно и необходимо для работы, почему у вас нет таких рубцов?

– В моём случае в этом нет необходимости.

– А в моём есть?

– Да.

– Это какой-то препарат?

- Нет.
- Тогда что же это?
- Система охраны.
- Как действует?
- Лучше вам этого не знать, – усмехается Макс.
- Когда вы это уберёте?
- Когда решу, что вам можно доверять.
- Если этого не произойдёт?
- Вы ведь хотите жить? – задаёт он вопрос, не требующий ответа.

Доступно. Лучше сейчас не концентрировать на этом вопросе все свои силы и внимание.

- Сегодняшнее число?
- Первое августа 2020 года.
- Ещё бы знать, какого числа я вышла в пекарню...
- Как долго я провела без сознания?
- Вас забрали из дома вчера утром.
- Где я нахожусь?
- В особняке на берегу моря.
- Как далеко от моего дома?
- Порядка тысячи километров.

Основательно подготовились. Пешком точно не дойду, даже если удастся осуществить побег.

- Кто владелец особняка?
- Мой и, смею надеяться, ваш работодатель.
- Кто он?

– За полтора года нашей совместной деятельности я видел этого человека трижды. Имена, должности, звания, регалии, род занятий мне не известны. Только обсуждение конкретной цели, задачи и гонорара.

– Я – ваша цель и задача?

– Моя цель и задача заключалась в том, чтобы найти человека, обладающего неординарными способностями. Я нашёл вас. Теперь мне необходимо получить ваше согласие на работу, в противном случае искать другого человека с неординарными способностями. Но тогда мне придётся снова тратить время, – задумчиво произносит он, потирая подбородок.

– Чем вы занимаетесь?

– У меня своеобразная работа, как вы успели заметить. Есть неоконченное высшее юридическое образование, но я никогда не работал по специальности. Если не вдаваться в детали, я обладаю незаурядными организаторскими способностями и умею предлагать людям то, в чём они нуждаются.

– В чём они, по вашему мнению, нуждаются...

– Как показывает практика, даже если сразу человек не готов к моему предложению, впоследствии он его принимает с благодарностью.

– Да вы просто волшебник, – изумляюсь я.

– В некотором смысле да.

– И необычайно скромны...

– Нет, скромность явно не является чертой моего характера.

Улыбаюсь. Пока уличить Макса в лицемерии не удаётся, он кажется откровенным.

– Как далеко особняк находится от населённого пункта?

– Если ехать на машине со средней скоростью, то минут сорок. Пешком я отсюда до города ни разу не добирался, поэтому не могу сказать.

– Вы часто бываете здесь?

– Второй раз в жизни. Если вы согласитесь сотрудничать, буду бывать здесь гораздо чаще.

– Я должна буду жить здесь?

– Да, это неременное условие.

Не могу сказать, что это утешает.

– Как долго?

– Максимум два месяца.

– А потом?

– Потом будут другие цели и задачи.

– Я стану рабыней?

– Нет. Взгляните на Инну, она живёт здесь добровольно, как и остальной персонал. Её всё устраивает.

– Я – не Инна.

– Это точно, – сокрушается он.

– В доме много людей?

– Я непременно устрою вам экскурсию и знакомство со всеми обитателями дома.

– Когда?

– Когда это будет удобно мне и вам.

– Почему я очнулась в этой странной комнате?

– Я приехал позже. Не знаю, в доме есть и другие гости-
вые, – задумчиво произносит он. Затем немного подумав,
добавляет: – Моя недоработка, не предполагал, что разме-
щение гостя вызовет у персонала столь серьёзные затрудне-
ния...

– Что это за комната?

– Полёт фантазии дизайнера, – разводит руками он. – Со-
гласен, мне тоже больше по душе классический интерьер.

– Вы не боитесь, что меня начнут искать? – усмехаюсь я
уголком рта.

– А вы не боитесь, что искать вас не начнут? – не мешкая,
отвечает Макс вопросом на вопрос.

Он уверен и спокоен, зная наверняка, что искать меня
решительно некому. Ему достоверно известно, что в стрем-
лении ограничить внешние связи я зашла довольно далеко.
Живу одна, подруг и близких родственников нет, встречаюсь
с молодым человеком раз в месяц (или раз в два месяца –
не могу сейчас точно сказать), общаюсь в сети, все вопросы
с работодателями регулирую там же. Боюсь, при таких об-
стоятельствах никто и не вспомнит о моей пропаже.

– Что произошло с похитившими меня людьми?

– Полагаю, это риторический вопрос? Что вам показало
видение?

– Я слышала три хлопка, когда мы вышли из заполненного дымом автомобиля.

– Ирэн, я не причастен к вашему похищению, – вполне искренне заявляет он, пожимая плечами. – У меня иные задачи и функции, которые, надеюсь, будут успешно выполнены.

– У меня есть варианты? – вполне серьёзно спрашиваю я.

– Попытка побега, в случае, если она будет предпринята, создаст лишние проблемы, и в первую очередь вам.

– Попытка? То есть вы даже не допускаете мысли о побеге?

– Ирэн, не считите за грубую лесть, но вы мне действительно очень симпатичны. Поэтому мне бы хотелось, чтобы вы не допускали и мысли о побеге. Обещаю, что приложу максимум усилий, чтобы эта история закончилась для вас хорошо. Но без чёткого понимания вами ситуации и реальной готовности сотрудничать справиться мне будет крайне тяжело, – задумчиво произносит он после затяжной паузы.

Макс приложит максимум усилий... Забавно... Его мимика, жесты, поза лишены театральности и нарочитости, а слова кажутся убедительными, особенно по поводу проблем в случае попытки бежать отсюда. Умением дружелюбно, но при этом вразумительно объяснять, что дела плохи, Макс, безусловно, обладает.

Пытаюсь убедить себя иронично относиться к происходящему, но страх проникает в каждую клеточку организма,

блокируя мыслительные способности.

– Я понимаю, что серьёзные ситуации требуют серьёзного обдумывания, поэтому готов предоставить вам достаточно времени для принятия взвешенного решения.

– Когда мне необходимо дать ответ?

– Через пять минут, – деловито взглянув на воображаемые наручные часы, серьёзно произносит Макс.

С удивлением смотрю на него, сложно оценить степень серьёзности сказанной фразы. Но, по всей видимости, это не шутка.

– Неслыханная щедрость... – почти шёпотом говорю я.

– Время пошло, – ничуть не смущается он, пожимая плечами и оставаясь на том же месте, где и стоял.

– Вы даже не считаете нужным оставить меня наедине со своими мыслями? – округляю я глаза.

– Могу отвернуться, если вас что-то смущает.

Меня смущаете вы! И раздражаете своей бесцеремонностью и отсутствием такта.

– А уйти не можете? – сдержанно формулирую я свое пожелание.

– Нет, – без тени сомнения отвечает Макс.

Тяжёлый случай. Кажется, он откровенно пытается вывести меня из равновесия.

– А я могу уйти в другую комнату?

Указываю жестом в сторону дверного проёма. Надежда на взаимопонимание тает с каждой секундой моего пребы-

вания в этом доме.

– Не вижу в этом необходимости.

Почему этот человек решает за меня? Почему он спокойно рассуждает о моих потребностях или их отсутствии?

– А я вижу, – щурясь и злобно смотря на объект раздражения, изрекаю я.

– Вы тратите драгоценное время на ненужные пререкания. Любому адекватному человеку ясно, что обдумывать здесь нечего.

– Мне ничего не известно об условиях работы...

– Это детали, главное, чтобы вы были согласны использовать свои способности в чужих интересах и получать за это деньги.

– Обычная работа.

Теперь он смотрит на меня с недоумением.

– Если бы работа была обычной, вы бы не оказались здесь.

Закрываю глаза, но ничего не происходит. Вновь задаю себе вопрос о наличии альтернативы. В итоге складывается ощущение, что в моем положении свобода выбора иллюзорна. Что ждёт меня в случае отказа от сотрудничества? Не предполагаю. Но рассказ Макса звучит крайне убедительно, и в части безысходности ситуации тоже. Как минимум, не дальновидно предпринимать какие-либо действия, не зная ни количества охранников, ни степени оснащённости дома датчиками движения и видеокамерами, а кроме того, пребывая в полном неведении, где находишься и как

добраться до ближайшего населённого пункта. Не стоит забывать, что похитители наблюдали за мной не один месяц, педантично собирая информацию, поэтому даже в случае успешного бегства, мне решительно некуда идти. Дома меня найдут легко. Дав принципиальное согласие, смогу, по крайней мере, выиграть время, осмотреться, вывести конкретную информацию о похитителях, чтобы затем предоставить эти сведения полиции.

Смотрю на Макса, не думаю, что ему можно доверять. Очевидно, он преследует определённый интерес и тот факт, что пока я попадаю в зону его интересов, отнюдь не повод излишне обольщаться. Посему до стокгольмского синдрома ещё далеко.

Демонстрируя полное равнодушие, Макс широко и бесцеремонно зевает.

– Удалось найти консенсус между внутренним ощущением и объективными обстоятельствами? – Затем, явно не рассчитывая на ответ, молниеносно добавляет: – Идём.

– Куда?

– Проверять на практике твои способности, – отвечает, кивая головой в сторону двери.

Неторопливо направляюсь в указанном направлении. Любезно пропустив меня вперёд, Макс показывает рукой направо. Пройдя часть комнаты, оказываемся на лестничном пролёте.

– Я же не ответила, – произношу в замешательстве.

– Что не ответила?

– Не дала согласие.

– Правда? – неумело изобразив на лице изумление, уточняет он. – Я посчитал этот вопрос решенным.

– Ты ошибся, – возмущаюсь я.

Спускаемся по лестнице. Только сейчас замечаю, что плавный переход на «ты» состоялся.

– Расслабься, будет интересно, – дружелюбно улыбаясь, сообщает он.

– Это меня настораживает больше всего, – скептически наблюдаю я.

– Знакомство с домом и проживающими в нём людьми, пожалуй, оставим на вечер, – задумчиво произносит он. – Предлагаю гораздо более увлекательное занятие...

– Даже представить страшно, – говорю я чуть слышно.

– Долой пессимистичные мысли. У тебя всё получится, – авторитетно заявляет он.

Глава III: Бежать нельзя сдаваться (после какого слова должна стоять запятая, я ещё не решила)

Не успеваю опомниться, как спустившись по лестнице на первый этаж, мы выходим из помещения. На парковке возле дома стоит несколько автомобилей. Отлично, теперь я знаю, как можно добраться до населённого пункта. Плохо, что не умею автомобилем управлять. Очень плохо.

– Эту кроху обычно использует повар для поездок за продуктами, – указывая на маленькую машинку яркого цвета, говорит Макс. – Мы поедem на нём.

Поворачиваю голову в сторону высокого внедорожника. Ого! Видимо, Макс столь сильно меня раздражает, что мгновенно вспоминаю байки о комплексах владельцев очень больших автомобилей. Расплываюсь в улыбке.

– Это не моя машина... – стушевавшись, пытается он исправить ситуацию.

– Не сомневаюсь, – улыбаясь ещё шире, киваю я головой. Не люблю автомобили, особенно внешне агрессивные. Внимание привлекает большая решётка радиатора на переднем бампере.

– Название данного чуда технического прогресса мне неизвестно, но внешне авто явно напоминает фотографии

продукта Ульяновского автозавода образца начала 80-х годов, – не удержавшись от критики, констатирую факт.

– Уверяю, первое впечатление в данном случае обманчиво, – широко улыбается Макс. Затем осмотрительно добавляет: – Как, впрочем, и в этом...

Не меняя выражения лица, Макс кивает в сторону. Осторожно поворачиваю голову налево. Взгляду предстаёт неизвестно откуда возникшая фигура очень высокого корпулентного мужчины. Смотрю снизу вверх, медленно поднимая голову. Пожалуй, впервые в жизни искренне сожалею о том, что не умею употреблять крепкое словцо и в принципе не приемлю в своём лексиконе ненормативную лексику. Хотелось бы сейчас высказаться по-нашему, по-русски, уж больно устрашающе выглядит новый знакомый.

Перевожу взгляд на лицо мужчины. Чёрные прямые волосы, тёмные глаза, крупный нос, тонкие губы. Наличие эпикантуса выдаёт в нём представителя монголоидной расы. Мужчина идеально выбрит, одет в отлично сидящий серый костюм хорошего качества, руки заведены за спину.

Появление этого человека вселяет ужас. Почему-то вспоминаются картинки с терракотовой армией. Хотя мужчина абсолютно ничем не похож на статую китайского воина, но если бы один из терракотовых воинов ожил на моих глазах, думаю, ощущения были бы аналогичными. От неожиданности у меня непроизвольно открывается рот, но никого из присутствующих такая реакция не смущает.

– Ирэн, познакомься, это Сёма... Хотя ему больше нравится, когда его называют Семёном Викторовичем, – улыбается Макс. Затем небрежно машет рукой и добавляет: – Любит человек экзотику, никак не могу его отучить от старомодной привычки употреблять отчество. Он будет тебя сопровождать и отвечать за безопасность.

– Здравствуйте, – не громко, но чётко произносит Семён Викторович, кивает головой и протягивает мне правую руку.

Моё внимание привлекают круглые часы внушительно-го размера, больше похожие на компас. Отвечаю на приветствие неестественной улыбкой, подаю дрожащую, липкую от страха руку. Запястье рассмотреть не удаётся, поскольку его закрывает широкий массивный браслет часов. Замечаю, что дисплей часов не показывает время, он вообще ничего не показывает. Страшные часы, страшный мужчина, страшная ситуация...

– Добрый день, – вырывается из моего пересохшего горла. Мужчина отпускает мою руку.

– За свою безопасность могу не беспокоиться, – наконец-то удаётся членораздельно вымолвить мне.

– Можешь в этом не сомневаться, – смеётся Макс. – Поехали, у нас много работы.

В три широких шага Семён Викторович преодолевает расстояние в несколько метров и ловко запрыгивает на пассажирское кресло внедорожника. Становится совершенно очевидно, что в связи с его появлением в моей жизни вероят-

ность побега сводится к минимуму. При таких обстоятельствах нужно продумать, как действовать дальше. Самодовольная улыбка Макса, пристально наблюдающего за мной, особенно возмущает.

Мне предоставляют место на заднем сидении. К слову, усесться в автомобиль оказывается делом непростым. Из-за отсутствия задней двери, чтобы взгромоздиться на пассажирское сидение, необходимо откинуть водительское кресло. Это неудобство расстраивает меня окончательно. Яркое впечатление производят кожаные сиденья автомобиля, окрашенные в цвет алых пролетарских знамен, гордо рдеющих под солнечными лучами. Поднимаю голову. Панорамная крыша несколько сглаживает негативное впечатление. Пристегнув меня ремнём безопасности, Макс проворно садится на водительское кресло. В нём нет желания заявить о себе, всё, что он делает, выглядит весьма органично и убедительно. Есть такая категория людей... ни в чем не сомневающих, в любой ситуации идущих напролом с гордо поднятой головой. Не дав мне опомниться, Макс нажимает на педаль газа. Автомобиль начинает движение. Внимательно смотрю по сторонам. Въезд на территорию особняка оснащён шлагбаумом, охранник кивает Макс и, не досматривая автомобиль, выпускает нас за пределы ограждённой территории. Зачем им понадобилось увозить меня из охраняемого особняка?

– Куда едем? – собравшись с мыслями, интересуюсь я.

Стараюсь говорить громче, чтобы посторонние шумы не мешали отчётливо меня слышать.

– Не кричи, я тебя отлично слышу, – морщится Макс. Затем отвечает: – В торговый центр.

Шутит? Кажется, нет. Интересно. Он прекрасно понимает, что в любом торговом центре многолюдно, есть продавцы, посетители, охрана, а, следовательно, я могу сообщить о похищении и потребовать вызвать полицию. Либо Макс проявляет удивительную недалёковидность, либо меня ожидает неприятный сюрприз.

– Тратить ещё не заработанные мною деньги? – продолжаю разговор, пытаясь осторожно выяснить детали поездки.
– Нет...

Видимо, чтобы не продолжать беседу, Макс делает музыку громче. Невежливо, я ещё не закончила... Вынуждена согласиться, что, несмотря на своеобразный внешний вид, внутри автомобиль отличается повышенным комфортом. Удобно располагаюсь в кресле, кладу голову на ладонь. Стараюсь отвлечься, но получается плохо. Осознав, что не могу изменить реальность, решаю смириться и просто наслаждаться поездкой, рассматривая окрестные достопримечательности. Первые минут десять едем по морскому побережью. Автомобиль резво преодолевает навеванные ветром скопления песка. Интересно, каким образом повар на своей маленькой низкой машинке справляется с этим участком трассы? Даже не являясь экспертом в области автомобиле-

строения, понимаю, что без хорошего внедорожника здесь делать нечего. Довольно улыбаюсь – нестыковка. Значит, есть ещё одна, более доступная трасса, о которой Макс умолчал. Полезная информация, нужно принять к сведению.

Задумчиво смотрю на мягко оmyвающие золотистый песок волны. Нежные облака, словно рассыпанная по небу пудра, неспешно передвигаются на восток. Красота солнечного дня вызывает искреннее восхищение. Будто зарядившись энергией природы, неожиданно для себя ощущаю необычайную лёгкость и безграничную свободу. Звучит странно... Парадокс... Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз ощущала себя подобным образом, беззаботно наслаждаясь природой и состоянием необыкновенной лёгкости. Но, видимо, раньше это чувство было мне неведомо. Невольно улыбаюсь, ситуация начинает меня забавлять.

Смотрю на сидящих впереди мужчин. Семён Викторович, безусловно, является крайне редким и ценным экземпляром... Немного словен, напряжен, вопросов не задаёт, в разговорах не участвует... Усердно пытается выглядеть формалистом и простаком, твёрдо знающим только свою работу и не вмешивающимся не в свои дела. Сомневаюсь, что этот имидж полностью соответствует реальности. Не могу сказать, что у него не обремененное интеллектом лицо. Двигаюсь ближе, пытаюсь лучше рассмотреть этого человека. Заметив боковым зрением мой неприкрытый интерес, он резко разворачивается корпусом на девяносто градусов. На-

ши взгляды встречаются, становится не по себе. Сконцентрированное лицо Семёна Викторовича выражает активный непрерывный мыслительный процесс, и это настораживает. Отодвигаюсь дальше, отвожу глаза. Через несколько секунд он отворачивается. Делаю выдох. Он словно могучий богатырь, кажется, и в просторном салоне автомобиля ему довольно тесно. Широкие плечи, длинные ноги, рядом с ним даже Макс выглядит физически не сформировавшимся юношей. Семён Викторович производит впечатление серьёзного, педантичного человека, ответственно относящегося ко всему, что приходится делать. Да, пожалуй, я бы никому не рекомендовала его сердить. Впрочем, логично самой прислушаться к этой рекомендации. Пытаюсь преодолеть страх перед этим человеком. Смотря на него, вспоминаю умильные фотографии маленьких детей в вязаных чепчиках и шапочках с помпонами. Ведь он тоже, несомненно, когда-то был пухленьким, розовощёким ребёнком. Куда уходит детство? Как из очаровательных малышек вырастают такие Семёны... Викторовичи? Постукиваю пальцами по сидению автомобиля.

Перевожу взгляд на Макса, который как всегда чувствует себя уверенно и спокойно, либо довольно умело изображает уверенность и спокойствие. Видимо, ничего нового я в нём рассмотреть уже не сумею. Руль он держит одной рукой, осанка прямая, голова немного запрокинута, внимание сфокусировано. Макс, несомненно, умеет притягивать лю-

дей, словно становясь центром Вселенной, формировать всё и всех вокруг себя, концентрироваться на достижении цели. Не могу объяснить, откуда мне это известно, но судьбоносность встречи с ним очевидна.

Закрываю глаза и абстрагируюсь от унылых мыслей. Либо увеличивается скорость автомобиля, либо ветер усиливается, но мне становится холодно. Начинаю вздрагивать, скрестив руки, обхватываю плечи. Зеваю. Макс, заметив это в зеркале заднего вида, выключает музыку.

– Не сплю, – обращаясь к Максу и широко открыв глаза, говорю я.

– Всё в порядке, Ирэн? – с недоверием в голосе интересуется он.

– Сомневаюсь, что вас это действительно интересует? – поёжившись, словно стремясь скинуть с плеч тяжкий груз, задумчиво отвечаю я вопросом на вопрос.

– Верно, – отрешённо произносит он, затем, немного помолчав, добавляет, – впрочем, желания тратить время на лечение от простуды у меня тоже не возникает... Накинь куртку.

Периодически посматривая в зеркало, он берет между передними сидениями синюю мужскую куртку неопределённого размера и аккуратно перекидывает мне. Неслыханная щедрость. Усмехаюсь, окидывая вещь пренебрежительным взглядом.

– В заботе не нуждаюсь, особенно твоей, – довольно грубо

замечаю я.

– Я забочусь не о тебе, а о себе и своём времени. Можешь мёрзнуть дальше.

Макс увлечён дорогой. Я озябла. Ещё раз смотрю на куртку. Решаю не пренебрегать его любезностью... Но, едва дотронувшись до предмета мужского гардероба, ощущаю сильное головокружение и тошноту. Закрываю глаза, дыхание и сердцебиение учащаются, тело пронзает жар. Эти ощущения знакомы мне с пятнадцати лет, они сопровождают каждое видение. Стрелки часов с безумной скоростью движутся вперёд. Судя по всему, до реальных событий остаётся около часа времени. Дикая, истязаящая боль появляется в висках, затем окутывает всё тело. Боль медленно, но неизбежно, будто смертоносный вирус, пожирающий всё на своем пути, поглощает сознание.

Вижу огромное многоэтажное помещение. Многолюдно. Все суетятся, словно куда-то спешат. Эскалатор, в нескольких метрах от которого, держа в руках мороженое, стоит ребёнок. Человек в костюме клоуна раздаёт прохожим яркие воздушные шары. Ярко-жёлтая вывеска с цифрой восемь и надписью. Буквы расплываются перед глазами. Чувствую, что хочу уйти, но меня не пускают. Кто-то сильно держит за рукав куртки. Хочу бежать, но словно невидимые оковы мешают двигаться дальше. Кричу, мне что-то кричат в ответ. Слов не разобрать. Люди, люди, много людей... Становится тише, приближается человек. По очертаниям фигуры это

мужчина. На нём одежда, напоминающая униформу, на голове фуражка с эмблемой. Лица не вижу... Он – моё спасение...

Это всё, что удаётся рассмотреть. Видение малосодержательно, картинки прерывисты и невняты. На лбу выступает испарина, дрожу в ознобе. Сил на анализ видения у меня не остаётся. Человек в форме похож на сотрудника полиции, подоспевшего мне на выручку. Значит, кошмар вскоре закончится. Подобная перспектива приободряет. Немного успокоившись и окончательно уверовав в то, что сегодня окажусь дома, ощущаю сильную моральную и физическую усталость.

Мужчины либо не замечают моего состояния, либо усиленно делают вид, что не замечают. Не имеет значения. Непроизвольно накидываю на плечи куртку. Уставившись в одну точку, больше не замечаю ни своих спутников, ни прекрасного пейзажа вокруг. Кажется, даже удаётся немного поспать.

Через некоторое время автомобиль выезжает на просёлочную дорогу, вдали виднеется несколько одноэтажных домов. Пересекаем небольшой лес, оказываемся на асфальтированной трассе. Скорее всего, именно по этой дороге ездит от особняка до города маленькая машинка с парковки. Сколько времени проводим в пути, точно сказать не могу, но предполагаю, что больше двух часов. Едем молча, будто каждый из нас погружён в свой микрокосмос, наслаждаясь

единением с природой и собственными мыслями. Наблюдаю за мужчинами. От волнения голова идёт кругом, периодически подступающие приступы тошноты порядком надоели. Никак не поддаётся осознанию водоворот событий, в котором я волею судеб закружилась... Похищение, предложение, Макс...

– Зачем мы направляемся в торговый центр? – решительно прерываю я молчание.

Чтобы подготовиться к любой ситуации и самому непредсказуемому развитию событий, необходимо выведать как можно больше информации. Пытаюсь придвинуться ближе к водительскому креслу, но бдительный Семён Викторович останавливает меня, достаточно больно дёрнув за руку. С непониманием смотрю на обидчика. Агрессия неоправданна. Хмурю брови.

– Семён не дремлет, – наблюдая за происходящим в зеркало заднего вида, усмехается Макс.

– Не вижу в этом ничего смешного, – злобно произношу я.

– Семён не хотел тебя обидеть, – примирительным тоном добавляет он.

Семён Викторович при этом молчит. Кажется, чувство вины ему чуждо.

– Ты не ответил, – продолжаю сердиться я.

– Проверим наличие способностей...

Он ещё сомневается в моих способностях? Это уже слишком... Двигаюсь на край сидения, опираюсь локтями о коле-

ни, упрямо выпячиваю подбородок.

– Неужели вы настолько безрассудны, что решили привести меня в торговый центр? Не боитесь, что устрою скандал, стану кричать и требовать вызвать полицию? – шипя, словно змея, враждебно произношу я.

Мужчины переглядываются между собой. В порыве гнева, я даже не сразу понимаю, что происходит.

– Значит, полиция? – сердито спрашивает Макс.

Закатываю глаза, про себя повторяю то, что уже умудрилась произнести вслух. Каюсь за свои слова... Только дети и дураки говорят правду, я вроде давно уже не ребёнок. Макс молчит, внешне сохраняя спокойствие. Видимо, его планы не изменились, поездка в торговый центр не отменяется. Семён Викторович продолжает делать вид, что не замечает происходящего вокруг. Тем не менее я отчётливо заявила о своих намерениях, и не принять их во внимание мужчины не могли. Окончательно падаю духом.

– Пошутила, – выпучив глаза и неестественно пожимая плечами, отвечаю первое, что приходит в голову.

И, видимо, только усугубляю ситуацию. Это конец. Сожалея о сказанном, пытаюсь исправить положение.

– Вы ведь не поверили?

Вот теперь точно конец. Представляю, как нелепо сейчас выгляжу.

– Конечно, мы не поверили, – наигранно произносит Макс. – Нужно быть безрассудным человеком, чтобы пы-

таться сбежать от Семёна. А ты, Ирэн, слишком рассудительна для такого поступка, не правда ли?

– Безусловно, – поперхнувшись, чуть слышно отвечаю.

Возникает желание забиться в угол, что я и делаю. Остаток дороги еду молча, продолжая заниматься самобичеванием и укорять себя за несдержанность. Надувшись будто мышь на крупу, пребываю в состоянии фрустрации. Самое досадное в данной ситуации то, что, кроме себя, винить решительно некого.

Макс резко выворачивает руль вправо, отчего автомобиль оказывается на въезде в населённый пункт. Не могу похвастаться острым зрением, поэтому название города прочитать не удаётся. Настроения осматривать местные достопримечательности у меня не возникает, уставившись в одну точку, жду своей участи. Через некоторое время мы подъезжаем к высокому торговому центру. Много стекла, бетона, машин, людей, яркой рекламы и шума, короче, всего того, что я старательно избегаю в обычной жизни. Макс умело паркует автомобиль в нескольких метрах от главного входа.

– Ирэн, на таких людей, как Семён не обижаются, – примирительно говорит Макс, развернувшись ко мне и, кажется, забыв о проявленной несдержанности. – Он просто выполняет свою работу.

Семён Викторович при этом сохраняет молчание и спокойствие, будто к нему происходящее не имеет абсолютно никакого отношения.

– Ты говорил, что его работа – моя безопасность, – произношу с упрёком.

– Это правда, – нахмутив брови и сурово взглянув на Семёна Викторовича, Макс добавляет, – впредь будь, пожалуйста, аккуратнее.

Секьюрити, в свою очередь, кивает головой. Становится будто немного легче. Давно за меня никто не заступался, оказывается, это приятное ощущение.

– Инцидент исчерпан. Можем продолжать. Поднимайтесь, я найду вас позже, – указывая в сторону торгового центра, безапелляционно произносит Макс.

Пытаюсь отстегнуть ремень безопасности. Не получается, заело. Заметив, что у меня возникли трудности, Макс помогает справиться. Оглядываюсь по сторонам. Людей вокруг немного. Выхожу из автомобиля, потягиваюсь. Семён Викторович пропуская меня немного вперёд, указывает направление движения. Макс провожает нас взглядом. Подходим к торговому центру, стараюсь не смотреть по сторонам. Голова и так идёт кругом. Войдя в здание, испытываю явное облегчение. В видении был этот торговый центр. Значит, скоро мне удастся привлечь внимание большого количества людей и увидеть сотрудника полиции или службы охраны. Скоро всё закончится... От громких звуков и бесконечного потока людей, теряюсь, но, почувствовав на плече тяжёлую руку секьюрити, быстро прихожу в себя.

– Четвёртый, – спокойно произносит Семён Викторович,

кивая в сторону эскалатора.

Безоговорочно повинуюсь. Встаю на движущуюся ступень лестницы. Поднимаемся вверх. Смотрю по сторонам, вокруг люди, бутики и магазины, совершенно обычный торговый центр. Не в первый раз приходится удивляться точности своих видений... Поворачиваю голову направо. Мальчик с золотыми кудрями почти до плеч и мороженым в руках. Ест с аппетитом, широко открывая рот, словно желая проглотить сладкую массу целиком. Улыбаюсь. Прелестный малыш, несмотря на то что я довольно настороженно отношусь к детям, предпочитая держаться от них подальше. Как, впрочем, и от людей в принципе... Переходим на следующую лестницу. Этаж второй. Клоун с охапкой воздушных шаров... С детства не люблю клоунов, от них не веет радостью и счастьем, а смех и улыбки лишены искренности, поскольку они лишь составная часть профессии. Следующий этаж. Семён Викторович стоит на ступень ниже меня, внимательно наблюдая за происходящим. Кажется, в поле его зрения попадают все и всё без исключения. Решаю провести тест на внимательность.

– Сколько шаров в руках у клоуна? – развернувшись к Семёну Викторовичу, громко задаю вопрос я.

– Пятнадцать, – не мешкая, отвечает секьюрити. Кажется, вопрос его совсем не удивляет.

Зато меня удивляет молниеносность ответа. С недоверием смотрю на Семёна Викторовича. Может, лжёт? Сказал пер-

вое пришедшее на ум число. Я ведь не могу это проверить...

Тем временем эскалатор поднимает нас на очередной этаж торгового центра. Четвёртый. Озираюсь по сторонам, сердцебиение учащается. Секьюрити аккуратно берёт меня за руку и заставляет двигаться к большому магазину с огромной жёлтой надписью «8 сезонов» на вывеске. Название бутика обескураживает. В году обычно всего четыре сезона... Полное отсутствие логики. Однако недоумевать мне придется недолго. Несмотря на причудливое название, людей в магазине неимоверно много. Видимо, «восьмисезонная» распродажа. Происходящее далее напоминает сюжет в перемотке. Семён Викторович торопит меня, не давая опомниться, ведёт в самую гущу толпы. Моментально начинаю ощущать нехватку кислорода. По непонятной для меня причине продолжаем продвигаться всё дальше и дальше. Кондиционеры не справляются с нагрузкой, становится крайне душно. Из-за производимого покупателями шума невозможно услышать и собственные мысли. Меня со всех сторон толкают, несколько раз наступают на правую ногу... Больно... В какой-то момент перестаю ощущать на себе цепкую руку Семёна Викторовича. Разбираться в тонкостях и деталях происходящего некогда. Понимая, что, возможно, это мой единственный шанс на побег, быстро и целеустремлённо направляюсь обратно к выходу. Самоотверженно пробираюсь сквозь толпу. Озираюсь по сторонам, но секьюрити не вижу. Попадаю под лучи противокражной системы. Где-то, ка-

жется, совсем рядом с ухом раздаётся мерзкий оглушающий писк. На секунду замираю, закрыв уши руками. Но времени на раздумья нет, продолжаю быстро двигаться к эскалатору. Теперь необходимо найти сотрудника в форме. Хватаюсь рукой за поручень эскалатора, ещё шаг и... Кто-то сильно дергает меня за плечо, резко возвращая на четвёртый этаж. Абсурдно было надеяться, что Семён Викторович так легко отпустит...

– Больно! – истошно кричу, потирая плечо.

Поворачиваю голову. Вопреки ожиданиям за руку меня держит отнюдь не Семён Викторович.

– Кто вы?

Вцепившись в руку мёртвой хваткой, какой-то мужик тянет меня обратно к злосчастному магазину.

– Пусти! – демонстрируя оскал, сердито требую я

– Попалась, я тебя заприметила ещё возле входа. Воровка, – почему-то обращаясь ко мне, кричит омерзительным голосом толстая неприятная женщина.

Смысл происходящего мне не ясен. Назад в магазин нельзя. Упираюсь в пол обеими ногами.

– Помогите, меня похитили! В магазине один из похитителей, его имя... – пытаюсь вытащить руку, кричу я. Но голос сливается с шумом толпы. – Вызовите полицию...

– А пожарных не позвать? – раздаётся за спиной незнакомый мужской голос.

– Если не замолчите, звать придётся врачей, – злобно шу-

рять, стремительно реагирую я на проявленную бесцеремонность.

– Да она буйная, наркоманка точно, – кричит кто-то из толпы.

Не в силах сопротивляться скопищу сумасбродов, вновь оказываюсь в магазине. Пытаюсь найти глазами Семёна Викторовича. Безуспешно. Чувствую себя молчаливой средневековой женщиной, обвинённой в колдовстве и шествующей в окружении инквизиторов на костер. Сопротивление бесполезно. Ощущаю чью-то руку в кармане куртки. Это уже слишком!

– Что вы делаете? – отталкивая от себя руки постороннего человека, возмущённо кричу я.

Понимаю, что прихожу в ярость. Пытаюсь оттолкнуть мужика, всё ещё цепко удерживающего меня за плечо. Тщетно. Моя попытка лишь усиливает напряжённость, увеличивая число жёстких нападков со стороны окружающих.

– Посмотрите, футболку украла, – наигранно всплеснув руками, заявляет неприятная женщина, затем злобно добавляет, – я же говорила...

Приходить в себя и соображать, что здесь происходит, начинаю после того как вижу в руках человека, пытающегося ранее залезть в карман моей куртки, помятую футболку.

– Это не моё... я не брала... – широко раскрыв глаза, я искренне изумляюсь происходящему.

– Ещё и наглая такая, – кричит кто-то из толпы.

Дикость... Становится страшно, неадекватность этих людей меня пугает... Пытаюсь освободить руку, закрыть уши, глаза, заслониться от обвинений. Отчаянные попытки объясниться беспощадно пресекаются. Начинаю понимать, что в такой ситуации бессмысленно пытаться что-то доказать. Будто обезумевшие, люди кричат, дергают меня за рукава и обвиняют в воровстве. Они руководствуются не здравым смыслом, им не нужны аргументы. Ожесточенные и безжалостные, они хотят хлеба и зрелищ. Нужно менять тактику поведения.

– Мне это надоело! – громко, чётко, решительно заявляю я. Чувствую, как мои глаза наполняются ненавистью и презрением к этому сброду. – Вызывайте полицию!

– Будет тебе полиция, – произносит зачинщица скандала. Терпеть не могу панибратство. Но сейчас не получится строить из себя тургеневскую барышню.

– Отпустил немедленно, ещё раз прикоснёшься... – одёргивая руку, обращаюсь к удерживающему меня мужику. Видимо, мой голос звучит убедительно, поскольку он ослабляет хватку.

Ситуация идентична видению. Ощущения идентичны.

– А потом нам, добросовестным налогоплательщикам... – поднимая вверх указательный палец и важно качая головой, кричит худая высокая женщина с пятном на рубашке, – содержать за свой счёт этих уголовников в тюрьмах...

Стоит порекомендовать ей для начала сменить рубашку,

но мысль не успевает приобрести речевое воплощение. Отвлёкшись от меня и происшествия с футболкой, толпа начинает обсуждать действующее правительство и грядущие изменения в налоговом кодексе. Не пытаюсь ничего объяснить, очевидно, что никто не хочет меня слушать и слышать. Веду себя отстранённо, смотрю вдаль, жду прихода человека в форме и фуражке. В пылу спора люди продолжают кричать друг на друга. Теряю интерес к происходящему. Голоса становятся обезличенными, словно сливаясь воедино, они перестают принадлежать женщинам или мужчинам. Серая масса... Меня всё ещё удерживают за рукав. Досадное обстоятельство, иначе просочившись сквозь толпу, я бы просто ушла... Полагаю, теперь моего отсутствия никто бы даже не заметил.

– Расступитесь! Отойдите! – требует мужской голос с металлическими нотками. – Я сотрудник службы охраны торгового центра.

Наконец-то. Теперь можно вздохнуть спокойно. Люди вокруг меня заметно оживляются.

– Где же ты раньше был, сотрудник охраны? Здесь среди бела дня у тебя под носом воруют, – раздаётся назидательный голос из толпы.

Опускаю голову. Молчу. Сейчас не имеет смысла что-либо объяснять, доказывать или оправдываться, больше времени потрачу на ненужные склоки. Окажусь в полиции, тогда и нарушу молчание. Расскажу о похищении, особняке, в ко-

торый меня привезли, постараюсь описать ситуацию и внешность преступников максимально достоверно. Мне поверят. Кроме того, думаю, что Макс с запятнанной перед полицией репутацией. Главное, уехать из торгового центра, подальше от похитителей и обезумевшей толпы, готовой разорвать на части.

– Сейчас во всём разберёмся... – ловко защёлкивая на моём запястье браслет от наручников, произносит сотрудник службы охраны. – Я доставлю её в полицию.

Крепко держа меня за руку, он начинает уверенно пробираться сквозь толпу. Испытываю чувство морального удовлетворения.

– Всем спасибо за бдительность и самоотверженность. Не каждый способен проявить эти качества в стрессовой ситуации и обезвредить преступника. Всех вас пригласят в полицию для дачи свидетельских показаний... Ждите... – и бесцеремонно вырывая футболку из рук очевидца событий, сотрудник охраны добавляет, – вещественное доказательство верните.

Продолжая удерживать меня за руку, он решительно направляется к эскалатору. Конец конфликту положен подозрительно быстро. Оглядываюсь. Люди суматошно расходятся по своим делам, словно этого эпизода никогда не было в их жизни. Больше никто ничего не обсуждает, все вновь спешат по своим делам.

Спускаемся вниз по эскалатору. Мелькают люди, незна-

комые лица... Кто-то едет вверх, кто-то торопится вниз. Жизнь в торговом центре кипит. Сотрудник охраны стоит ко мне спиной на ступень ниже. Третий этаж... Успокаиваюсь, смотрю по сторонам и продолжаю надеяться на лучшее. Только холодный металл наручника на запястье правой руки немного нервирует. Второй этаж... Сегодня вечером, максимум завтра я буду дома. Этаж первый... Совершенно некстати вспоминаю фразу о вызове очевидцев в качестве свидетелей. Он не спрашивал фамилии очевидцев, каким образом их смогут вызвать в полицию? Закрадываются сомнения. Выходим на улицу. Парковка, автомобиль Макса. Ни шагу дальше... Замедляю ход, с непониманием смотрю на сотрудника охраны.

– Спокойно, – резко дёргая меня за руку, говорит он.

– Помогите! – кричу я.

Несколько человек возле выхода из торгового центра обращают на крик внимание, начинают озираться по сторонам. Сотрудник службы охраны, точнее, мужчина, к руке которого я прикована наручниками, улыбается, доброжелательно машет прохожим рукой.

– Всё в порядке, везу в участок, – указывая на браслет, тяжело вздыхает он. – Спасибо за проявленную бдительность.

Люди с пониманием кивают и отворачиваются. Нормальная реакция, совершенно адекватная. Растерянно смотрю по сторонам. Думай, думай... Приближаемся к автомобилю Макса всё ближе. Попробую так... Ещё несколько шагов...

Закрываю глаза, теряю равновесие, падаю... Чьи-то сильные твёрдые руки подхватывают моё тело на лету.

– Не выйдет, Ирэн. Этот номер не пройдёт, – произносит сотрудник службы охраны. – В особняк.

Чувствую, как запястья освобождают от наручников. Открываю глаза, притворяться не имеет смысла. Рядом стоит Семён Викторович, это он не дал мне рухнуть наземь и сейчас не даёт, крепко держа за плечи. Но благодарности не дождётся, не тот случай.

Мы в нескольких метрах от автомобиля. Сотрудник службы охраны, открыв дверцу, поворачивается ко мне лицом, снимает фуражку. Улыбается, кидает ее на переднее сидение. Его лицо мне незнакомо... кажется. Мужчина хватается за собственную шею и резким движением снимает силиконовую маску. У меня начинаются галлюцинации? Нет... Это действительно Макс... Испытываю отвращение.

– Душно, – приглаживая волосы и пристально смотря на меня, говорит он. Но голос мне незнаком.

– Ты... – сжав руки в кулаки и делая шаг вперёд, злобно начинаю я.

– Извини, – формально произносит он, вытаскивая изо рта металлический шарик размером около сантиметра в диаметре.

Меня сейчас вырвет. Брезгливо машу головой.

– Думаю, – замечает Макс уже своим голосом, – так лучше...

– Не лучше, – поборов неприятные ощущения, утверждаю я, – но привычнее.

Злюсь. Представляю, как сейчас сверкают мои глаза. Семён Викторович помогает мне подойти ближе к автомобилю.

– Не хочешь меня отблагодарить? Между прочим, жизнью рисковал, – Макс улыбается, он явно доволен собой.

– Отблагодарить? Безусловно! – незамедлительно отвечаю я.

Собрав в кулак всю силу, волю и силу воли, замахиваюсь на Макса. Осмеливаюсь на это, несмотря на присутствие секьюрити. Макс ловко уклоняется от удара, чем вызывает во мне ещё больший всплеск ярости.

– Что смотришь на меня? – развернувшись лицом к сердитому Семёну Викторовичу, позволяю себе грубость.

Секьюрити молчит, не реагируя на внешние раздражители. Макс улыбаясь, открывает дверь автомобиля, откидывает переднее сидение и делает жест рукой, приглашая меня сесть. Окидываю взглядом парковку. В нескольких метрах от нас молодая мама с ребёнком убирает в багажник своего автомобиля большие пакеты с покупками. Малыш плачет, что заставляет женщину торопиться. Макс терпеливо ждёт. Женщина с ребёнком уезжает, её место на парковке занимает новый седан чёрного цвета. Кажется, автомобиль только что сошёл с конвейера, он блестит, переливается на солнце и источает запах денег. Тёмные окна седана скрывают лица его пассажиров. Закусив губу, смотрю с нетерпением.

Несколько минут постояв на парковке, автомобиль уезжает. Из уличного кафе напротив торгового центра доносится приятная музыка, спешка и суeta как в любом многолюдном месте.

Макс спокоен, он, как и я, знает, что любая моя попытка обратиться за помощью обречена. Люди увлечены собой и своими заботами, никто меня даже не услышит, а если и услышит, то не станет вникать в суть происходящего. Понимая, что дальнейшее сопротивление бесполезно, признаю собственное поражение и нехотя сажусь на заднее сидение. Убеждена, что Макс всё же не понёс заслуженного наказания. Но игнорируя мои убеждения, мужчины садятся в автомобиль. Через несколько секунд, надавив на педаль газа, Макс отъезжает от торгового центра.

– На память, – говорит он, кидая на заднее сиденье футболку, изъятую в магазине в качестве вещественного доказательства.

– Всё сделал специально, – начиная анализировать произошедшее, констатирую факт.

– О чём ты? – будто не расслышав, уточняет Макс.

– Дав мне куртку, ты спровоцировал видение. Даже если бы я безропотно подчинилась твоей воле и не пыталась убежать, при выходе из бутика футболка неизменно оказалась бы в моём кармане.

Макс периодически смотрит на меня в зеркало заднего вида.

– Форма с фуражкой и силиконовая маска оказались на тебе не просто так. Пока мы с Семёном Викторовичем поднимались на четвёртый этаж, ты спокойно переоделся, затем, с лёгкостью найдя нас, вмешался в спланированную тобой же ситуацию, – продолжаю я.

– Ты достаточно быстро меня раскусила, – с насмешкой произносит он.

– Как ты смеешь?

Семён Викторович моментально поворачивается ко мне лицом, ударить Макса при таких обстоятельствах не удастся. Убираю руку за спину, молчу. Я вынуждена молчать...

– Ирэн, вспомни, я же честно сказал, что мы едем проверять на практике твои способности. Какие тогда могут быть претензии? Между прочим, весь этот спектакль устроен для тебя одной. Так что не переживай за свою честь, всем очевидцам «преступления» заплатили за скандал, объяснив, что они участвуют в съёмке эпизода к новому сериалу. Я сомневался в том, что если в магазине будут присутствовать обычные покупатели, то писк противокражной системы вообще будет кем-либо замечен, а из-за украденной футболки разразится скандал.

От ощущения собственной правоты Макс ликует. Мне к сказанному им добавить нечего. Получается, всё без обмана. Семён Викторович отворачивается к окну.

– Кстати, ты с достоинством вышла из ситуации, – вполне искренне замечает он, затем осторожно уточняет, – у тебя

было видение до этих событий?

– Не хочу с тобой говорить, – честно признаюсь я.

– Значит, будешь разговаривать с Семёном, – кивая головой в сторону секьюрити, зловеще добавляет Макс.

– А он умеет разговаривать? – округляю глаза.

Для большей убедительности в серьёзности своих намерений Семён Викторович вновь поворачивается ко мне лицом. Смотрю оценивающим взглядом.

– С ним тоже не хочу, – набравшись мужества, категорично заявляю.

В глазах Семёна Викторовича читаю недоумение.

– Кстати, – продолжает Макс. – Я ведь предупреждал тебя, что сбежать от нас невозможно. Всё ещё в этом сомневалась?

Смотрю на Семёна Викторовича, щурюсь.

– Уже нет, – отвечаю без раздумий.

– Дело не в Сёме. Шрам на правой руке... Мы всегда знаем, где ты находишься с точностью до сантиметра.

Перевожу взгляд с затылка Семёна Викторовича на почти затянувшиеся ранки на запястье.

– Это незаконно, – только и способна произнести в данный момент я.

– Согласен.

Секьюрити разворачивается ко мне. Стиснув зубы, сжимаю правую руку в кулак. От безысходности хочется плакать, но я держусь.

– Ирэн, у тебя было видение до событий? – немного помолчав, повторно задаёт мне вопрос Макс.

– Да.

– Когда?

– В тот момент... – я в замешательстве, не знаю, стоит ли говорить правду. Макс ждёт. – Когда ты передал куртку.

– Правильно, значит, я всё рассчитал верно, – задумчиво произносит Макс. – Мне нужно понимать, как спровоцировать видение. Расскажи, что ты конкретно видела?

– В точности то, что произошло, – отвожу взгляд в сторону, стараясь уйти от ответа.

– С какого момента?

– Торговый центр, люди, ребёнок с мороженым, клоун с шарами, – безразлично перечисляю.

– Меня ты видела? – с нетерпением спрашивает он.

– Я видела человека в форме и фуражке, лица было не разобрать.

– Ты понимала, что это я?

– Нет, я думала, что это сотрудник полиции, подоспевший мне на выручку.

– Поэтому ты ничего не предприняла?

Макс задал интересный вопрос, я никогда не задумывалась, что после видения могу что-либо изменить в реальной ситуации.

– Ирэн, почему ты молчишь?

Я в замешательстве. По реакции Макс понимает, что од-

нозначного ответа на этот вопрос у меня нет.

– Веришь, что я могу менять реальность?

– Вопрос не в том, во что верю я... Вопрос в том, веришь ли в это ты.

Улыбаюсь одним уголком рта. Кажется, начинается нервный тик, прикрываю глаз рукой.

– Ты когда-нибудь задумывалась над этим? – в его голосе читается откровенное недоумение.

Должна признаться, что сформировавшаяся ещё в глубоком детстве вера в неотвратимость судьбы и по сей день культивируется, прочно укореняясь в голове. Я довольно рано поняла некоторые простые истины. Например, если родители уже купили в подарок на Новый год куклу, то Дед Мороз не сможет положить под ёлку велосипед... Как бы сильно я его об этом ни просила... Пожалуй, звучит не очень убедительно, но такой вывод когда-то помог мне смириться с происходящим, не обидеться на родителей и даже немного обрадоваться кукле.

– Видения стали появляться, когда кардинальные перемены в моей жизни произошли, и менять что-либо было уже поздно... – словно в оправдание объясняю я. – После начала видений, моя жизнь не требовала каких-либо перемен, корректив...

– Допустим, ты была уверена, что человек в форме придёт к тебе на помощь... Но если бы видение отражало ярко выраженные негативные последствия... – нервно касаясь паль-

цами губ, рассуждает он. Макс сконцентрирован на дороге, говорит тихо и невнятно, отчего создаётся впечатление, что он ведёт разговор с собой вслух. — То есть, если бы после видения ты чётко осознала, что если ничего не изменишь, то окажешься вновь в этом автомобиле рядом с... Сёмой. Ты бы что-либо предприняла?

Оказывается, иногда Макса бывает крайне сложно понять...

— Например? — приподнимаю я левую бровь.

— Например, видение истолковано иначе. Ты предполагаешь, что человек в форме попытается тебя задержать на четвертом этаже торгового центра. При таких обстоятельствах станешь звать на помощь, находясь на первом или втором этаже, либо будешь дожидаться четвёртого этажа и наступления описанных событий?

— Нет.

— Что нет?

— Я не стану ничего предпринимать.

— Почему? — изумляется Макс.

Неужели в свои тридцать с хвостиком этот мужчина серьёз полагает, что от нас может что-либо зависеть? Или налицо тривиальная мания величия? Макс возомнил себя тем, кем не является... Властитель судеб... Даже смешно.

— Я тебя не понимаю. То утверждаешь, что я не могу от вас убежать из-за шрама на моей руке и бдительности Семёна Викторовича, мимо которого и муха не пролетит, то искрен-

не удивляешься тому, что я не начала звать на помощь, оказавшись на первом этаже центра. Определись уже, Макс. Что изменилось бы, если бы я начала истошно кричать на первом этаже? Ты отпустил бы меня домой? Хотя, нет, сначала, ты отвёз бы меня в полицию, чтобы я рассказала о похищении и описала твою внешность? – кажется, мне удаётся поставить Макса на место. Можно ещё немного пофилософствовать, чтобы закрепить произведённый эффект. – То, что я вижу в видении, должно через некоторое время произойти в моей жизни. В точности, до мелочей... Не во власти человека менять свою судьбу. Ведь, изменив один поступок, мы порождаем иные последствия, изменяем день, неделю, год и всю цепь событий.

Макс резко выворачивает руль вправо, автомобиль съезжает на обочину. Семён Викторович внимательно смотрит на водителя, в его глазах читается непонимание и растерянность. Молча наблюдаю за происходящим.

– Даже в целях самосохранения ты бы не попыталась ничего изменить? – повернувшись ко мне, спрашивает Макс.

– Бессмысленный разговор, – в спокойном тоне отвечаю я. – К чему фантазировать о том, что уже сделано, и спрашивать о решении, которое мною уже принято?

– Пытаюсь выяснить, чем ты мотивирована и почему так бездарно используешь столь ценную особенность?

– Эта, как ты выразился, особенность, дана мне за умение ценить настоящее и не играть в бога, решающего чужие

судьбы. Рекомендую научиться жить днём сегодняшним, – надменно произношу я.

– Не задумываясь, что завтрашнего дня может не наступить? – почти переходя на крик, продолжает он наступление. Такое поведение начинает меня пугать.

– Значит, так правильно и так должно быть, – с грустью отмечаю я.

– И ты с лёгкостью примешь это как должное? Не лги хотя бы себе.

– Мне жизнь уже преподнесла достаточно испытаний. Был сложный период, когда я не понимала, почему осталась жива, и не ценила этого. Поверь, я знаю, что значит лишиться иллюзии возможности влиять на свою судьбу.

– Слова, просто слова. Предположим, что видения начались раньше, это позволило увидеть аварию заранее. Ты бы остановила своих родителей от поездки или позволила им погибнуть?

Макс молчит. Семён Викторович продолжает вести себя отрешённо, будто всё происходящее к нему не имеет никакого отношения. Я тоже пытаюсь вести себя подобным образом.

– Ирэн, прости меня за эмоциональность, я не должен был этого говорить, – видимо, собравшись с мыслями, произносит Макс.

Ты прав, Макс. Ты не должен был этого говорить... Возможно, он искренне не хотел задавать этот вопрос, однако

всё же его задал. И то, что я ничего не ответила, совершенно не означает, что я ничего не подумала.

Куда мы направляемся, для меня уже не имеет принципиального значения, поскольку, растянувшись на заднем сидении, словно кошка, я засыпаю. Не знаю, сколько времени находимся в пути, просыпаюсь лишь за несколько минут до въезда на парковку особняка. Охранник молча кивает Макс и Семёну Викторовичу.

– Охране я тебя представлять не буду, не имеет смысла. Они относятся к обособленному подразделению, подчиняются Семёну Викторовичу, не проживают в основном доме и не владеют информацией относительно того, что здесь происходит, – поясняет мне Макс.

– Не проживают в основном доме? – уточняю я.

– Да, завтра тебя всем представят, устроят экскурсию по особняку, покажут дом для охраны, конюшню и нечто, напоминающее сад. Сегодня уже поздно, думаю, тебе нужен отдых.

У меня действительно нет сил на ужин или знакомство с обитателями дома.

– Только в качестве информации к размышлению... – припарковав автомобиль у самого входа и развернувшись ко мне лицом, произносит Макс. – Не задумывалась над тем, что видения приходят в твою жизнь не для того, чтобы просто заранее показать будущее, а предупреждают о том, что именно нуждается в изменении или корректировке для того,

чтобы будущее наступило?

– Спокойной ночи, Макс, – не раздумывая, безапелляционным тоном заявляю я.

– До завтра, – едва заметно кивает он.

Попрощавшись и с Семёном Викторовичем, Макс уезжает. Проводив меня в более комфортные апартаменты, нежели белая комната, в которой довелось очнуться сегодня утром, секьюрити удаляется. Не хочу ни о чём думать... Дойдя до кровати, падаю головой на подушку и моментально засыпаю.

Глава IV: В любой непонятной ситуации – ложись спать

День второй

Евреи, несомненно, народ мудрый, плохого не посоветуют, поэтому безоговорочно следуя этому правилу, встречаю утро нового дня в отличном расположении духа. Хорошо, когда то, что тревожило вчера, сегодня не имеет значения. В моём случае это, безусловно, не так, но, ещё раз подумав о своей судьбе и весьма призрачных перспективах развития событий, решаю внимательно выслушать Макса и серьёзно рассмотреть предложение о работе. Обстоятельства складываются так, что я не в силах ничего изменить, кроме своего отношения к этим обстоятельствам. В разговоре с Максом мне необходимо расспросить обо всех деталях, уточнить нюансы и степень общественной опасности предлагаемой работы. Если предложение с откровенно криминальным подтекстом? Даже думать об этом пока не хочу.

Приятным сюрпризом оказывается наличие ванной комнаты. Начать день с позитивным настроением помогает душ. В комнате, предназначенной для моего проживания, стены выкрашены в приятный глазу зелёный цвет. Это придаёт

помещению, в избытке наполненному ярким естественным освещением и морским воздухом, дополнительную свежесть и лёгкость. Подхожу к окну, распаиваю шторы. Прекрасный вид радует глаз. Решёток нет. Неужели так просто? Становится спокойнее. Значит, есть шанс на побег. Тянусь рукой, желая открыть окно. Осторожно прикасаюсь к стеклу. Неожиданно раздающийся неприятный громкий звук пугает, заставляя резко отдёргнуть руку. На окне появляется неуклюжая решётка. Хоть током не бьёт, и на том спасибо. Убираю руку от окна, решётка исчезает. Видимо, в том числе и об этом говорил Макс, упоминая о «мощном охранным комплексе».

Из мебели в комнате большая кровать с кованым изголовьем, прикроватная тумбочка бежевого цвета и маловместительный шкаф. Жаль только, что складывать в него решительно нечего, поскольку во время похищения мне не предложили взять с собой хотя бы минимальный запас одежды. Справедливости ради отмечу, что в шкафу меня всё же ожидает бонус в виде кипы аккуратно сложенных бесформенных футболок неопределённого размера. Можно предположить, что вещи представлены здесь в качестве дежурного набора, что-то вроде одноразовой зубной щётки или расчёски. Не думаю, что мне может пригодиться что-либо из этого. Отдельного внимания заслуживает стоящий на тумбочке ночник крайне необычной формы. Моя боль. Это чудо дизайнерской мысли представляет собой бесчисленное мно-

жество светящихся металлических нитей, будто застывших в форме столпа. Словно дождевые черви, переплетаются нити между собой, производя тоскливое впечатление. Идентичной формы, но гипертрофированного размера и основной источник искусственного освещения в комнате. Странный тандем несколько обескураживает, хотя, возможно, я просто ничего не смыслю в современном искусстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.